

КНИГА ТРЕТЬЯ. ПОД СЛЕДСТВОМ

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА

САГА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

CoRpus

Дом правительства. Сага о русской революции

Юрий Слёзкин

**Дом правительства. Сага о
русской революции. Книга
третья. Под следствием**

«Corpus (ACT)»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

Слёзкин Ю. Л.

Дом правительства. Сага о русской революции. Книга третья. Под следствием / Ю. Л. Слёзкин — «Corpus (АСТ)», 2017 — (Дом правительства. Сага о русской революции)

ISBN 978-5-17-100477-4

Юрий Слезкин рассказывает историю Советского союза через историю одного из самых известных, показательных и трагических его символов. Дом правительства, он же Первый Дом Советов, он же легендарный Дом на набережной. Здесь жила элита СССР. Ученые и писатели, актеры и партийные деятели, маршалы и изобретатели, всемогущие тираны и их жертвы, те, кого с восторгом ждали у подъезда ради автографа, и те, чье имя боялись произносить даже на кухнях. Демьян Бедный и Александр Серафимович, Светлана Аллилуева и Василий Сталин, Лаврентий Берия и Никита Хрущёв, Алексей Стаханов и Артём Микоян, Георгий Жуков и Иван Баграмян, Юрий Трифонов и Павел Постышев, Михаил Тухачевский и Василий Блюхер. В 1930-е и 1940-е годы около 800 жителей дома были репрессированы. Во времена большого террора некоторые квартиры меняли по несколько хозяев в месяц. «Дом правительства» – это документальная история о том, как зарождался, развивался и погибал этот дом. А вместе с ним и вся страна. Книга третья, «Под следствием», рассказывает об опустошении Дома правительства, последней жертве старых большевиков, «массовых операциях» против тайных вредителей, разнице между верностью и предательством, семейной жизни профессиональных палачей, долгой старости реабилитированных вдов, искуплении и отступничестве детей революции и конце большевизма как веры в тысячелетнее царство.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-17-100477-4

© Слёзкин Ю. Л., 2017

© Corpus (АСТ), 2017

Содержание

Предисловие	8
Благодарности	12
Книга третья	13
Часть V	13
23. Телефонный звонок	13
24. Признание вины	26
25. Долина смерти	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юрий Слёзкин
Дом правительства. Сага
о русской революции
Книга третья. Под следствием

Рисунки на обложке Франческо Бонджорни (Artwork by Francesco Bongiorno)

Дизайн суперобложки Крис Ферранте (Jacket design by Chris Ferrante)

Фотографии предоставлены Музеем Дома на набережной за указанными в подписях исключениями

© Yuri Slezkine, 2017

© Ю. Слёзкин, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Издательство CORPUS ®

* * *

Это исторический труд.

Любое сходство с литературными персонажами – случайное совпадение.

Написан он был задом наперед: сначала по-английски, а потом по-русски.

мефистофель:

*Чуть дух покинет тело, договор
Ему представлю, кровью подкрепленный,
Но столько средств есть с некоторых пор
Отбить у черта душу беззаконно!*

*Иоганн Вольфганг фон Гете, Фауст,
перевод Б. Пастернака*

Иногда Валенту казалось, что время, зависшее в неопределенном ожидании, остановилось и застыло. Сама идея задуманной им панорамы, чьи разрозненные, рассыпанные образы преследовали его ежесекундно, заполняя сны и пробуждая воспоминания, самая мысль о развороченном доме с оголенными трещинами прошлого и развалинами настоящего, об этом беспорядочном скоплении историй – грандиозных и комичных, игривых и жалких – ассоциировалась у него с нелепо громадным мавзолеем, воздвигнутым в память о статистах, застывших в финальных позах, равно незначительных в своей торжественности и банальности. Как будто он хотел разом предотвратить и задержать медленные или внезапные смерти, грозившие настичь всех жильцов, этаж за этажом: мсье Марсиа, мадам Моро, мадам де Бомон,

*Бартлбута, Рориаша, мадмуазель Кресси, мадам Альбен, Смотфа. И,
разумеется, его самого, Валена, старейшего обитателя дома.
Жорж Перек, Жизнь, способ употребления*

Предисловие

В годы первой пятилетки советское правительство построило социалистическое государство и плановую экономику. Тогда же оно построило себе дом. Дом правительства располагался на Болоте и состоял из одиннадцати корпусов различной высоты, окружавших три сообщающихся двора с фонтанами посередине.

Дом был задуман как компромисс между революционным авангардом и социалистическим реализмом и как проект «переходного типа» на полпути от индивидуализма к коллективизму. Строгий функционализм и чистые линии сочетались с массивным объемом и неоклассицистическим фасадом; 505 квартир соседствовали с банком, магазином, почтой, телеграфом, столовой, амбулаторией, прачечной, парикмахерской, детским садом, теннисным кортом, гимнастическим залом и несколькими десятками комнат для различных видов досуга, от бильярда и шахмат до рисования и репетиций оркестра. Со стороны Москва-реки комплекс завершал Государственный Новый театр на 1300 мест; со стороны Водоотводного канала – кинотеатр «Ударник» на 1500 мест.

Дом предназначался для наркомов, замнаркомов, комиссаров, чекистов, иностранных коммунистов, ученых-марксистов, писателей-соцреалистов, красных директоров, старых большевиков и других «ответственных работников», включая секретаря Ленина и родственников Сталина.

В 1935 году в Доме правительства числилось 2600 жильцов. Около 700 из них были членами правительства, имевшими право на квартиры того или иного размера. Остальные, в том числе 588 детей, были членами их семей. Обслуживанием жильцов, дворов и корпусов занимались от 600 до 800 маляров, дворников, плотников, садовников, электриков, официантов, вахтеров, полотеров, прачек и других рабочих и служащих (в том числе 57 сотрудников администрации здания).

Это был тыл авангарда, частный мир общественных деятелей, место, где жили революционеры и умерла революция.

В 1930-е и 1940-е годы около 800 жителей Дома были выселены по обвинению в терроризме, двурушничестве и социальной чуждости. Все были признаны виновными. Триста сорок четыре человека были расстреляны, остальные приговорены к разным видам заключения.

В октябре 1941 года оставшиеся жильцы были эвакуированы. Вернувшись, они нашли больше соседей и меньше руководителей. Дом по-прежнему принадлежал правительству, но перестал быть его убежищем. После крушения СССР соседняя площадь снова стала Болотной.

* * *

В книге три этажа. На первом – семейная сага о жителях Дома правительства, которые функционируют как персонажи эпоса или люди в повседневной жизни: некоторых мы видим и вскоре забываем, некоторых смутно припоминаем, некоторых узнаем, но плохо знаем, а с некоторыми хорошо знакомы и рады или не рады увидеться снова. Но, в отличие от персонажей большинства эпосов и людей в нашей жизни, ни один не является центральным. Главные герои «Дома правительства» – дом и правительство.

Второй этаж – аналитический. В начале книги большевики характеризуются как сектанты, готовящиеся к апокалипсису. В последующих главах различные эпизоды большевистской семейной саги соотносятся с фазами эволюции неисполнившегося пророчества, от первого пришествия до великого разочарования и многократно отложенного судного дня.

По сравнению с другими апокалиптическими сектами большевики замечательны масштабом успеха и недолговечностью веры. Они завоевали Рим задолго до того, как вера стала привычкой, но не сумели превратить привычку в традицию, которая могла бы стать наследственной.

Третий этаж – литературный. Для старых большевиков чтение «сокровищ мировой литературы» было обязательной частью обретения веры, ритуалов ухаживания, тюремных «университетов» и домашней повседневности. Для их детей оно было любимым видом досуга и главным критерием образованности. В «Доме правительства» эпизоды большевистской семейной саги и фазы эволюции неисполнившегося пророчества сопровождаются обсуждением литературных текстов, сыгравших важную роль в их интерпретации и мифологизации. Ключевые темы этих текстов – великий потоп, исход из Египта, реставрация Вавилонской башни и болото быта – становятся элементами истории Дома правительства. Некоторые литературные персонажи помогали его строить, некоторые в нем жили, а один – Фауст Гёте – был признан идеальным жильцом.

История Дома правительства состоит из трех книг. Книга первая, «В пути», представляет старых большевиков как молодых людей и рассказывает о том, как они обратились в новую веру, жили в тюрьмах и ссылках, проповедовали грядущую революцию, победили в Гражданской войне, установили диктатуру пролетариата, горевали об отсрочке социализма и спорили о том, что делать, пока длится ожидание.

Книга вторая, «В Доме», описывает возвращение революции в облике первой пятилетки; строительство Дома правительства и всего Советского Союза; разделение труда и пространства в отдельных квартирах; размышления о смерти и преемственности на пороге вечности и слияние прошлого с будущим в волшебном царстве «счастливого детства».

Книга третья, «Под следствием», рассказывает об опустошении Дома правительства, последней жертве старых большевиков, «массовых операциях» против тайных вредителей, разнице между верностью и предательством, семейной жизни профессиональных палачей, долгой старости реабилитированных вдов, искуплении и отступничестве детей революции и конце большевизма как веры в тысячелетнее царство.

Все уровни, темы и мотивы сходятся в эпилоге о прозе Юрия Трифонова, который превратил дом своего детства в символ большевистской саги, памятник утраченной вере и сокровище мировой литературы.

* * *

Некоторые жители Дома правительства были важнее других благодаря партийному стажу, месту в номенклатуре и особым заслугам. Некоторые герои этой книги важнее других, потому что они или их близкие позаботились о жизни после смерти.

Один из руководителей Московского восстания и председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей Александр Аросев (кв. 103 и 104) вел дневник, который сохранила его сестра и издала одна из дочерей. Идеолог левого коммунизма и первый председатель Высшего совета народного хозяйства Валериан Осинский (кв. 389, 18) в течение двадцати лет переписывался с Анной Шатерниковой, которая сохранила его письма и отдала его дочери, которая, в свою очередь, передала их в архив и написала воспоминания. Видный литературный критик и куратор советской литературы 1920-х годов Александр Воронский (кв. 357) написал несколько книг воспоминаний и стал героем мемуаров своей дочери и многочисленных современников. Директор лаборатории Мавзолея Ленина Борис Збарский (кв. 28) обессмертил себя, увековечив тело Ленина. Его сын и коллега Илья Збарский написал книгу о себе, отце и Мавзолее. «Совесть партии» и заместитель генерального прокурора Арон Сольц (кв. 393) много писал о коммунистической этике и приютил свою племянницу, дочь которой написала о нем книгу и передала рукопись в архив. Об обвинителе на процессе Филиппа Миронова в 1919 году

Иваре Смильге (кв. 230) много рассказывала его дочь Татьяна, унаследовавшая его красноречие (но не его веру). Председатель Главного управления мукомольно-крупяной промышленности, «пекарь» Борис Иванов (кв. 372), остался в памяти жителей Дома правительства благодаря своему чрезвычайному великодушию.

Лева Федотов, сын покойного инструктора ЦК и пролетарского писателя Федора Федотова (кв. 262), вел дневник, потому что считал, что «все важно для истории». Инна Гайстер, дочь заместителя народного комиссара земледелия Арона Гайстера (кв. 162), опубликовала подробную «семейную хронику». Анатолий Грановский, сын директора Березниковского химического комбината Михаила Грановского (кв. 418), попросил убежища в США и написал воспоминания о работе секретным сотрудником НКВД под командованием Андрея Свердлова, сына первого главы советского государства и организатора красного террора, Якова Свердлова. Будучи молодым революционером, Яков Свердлов написал несколько подробных писем матери Андрея, Клавдии Новгородцевой (кв. 319), и своей юной последовательнице, Кире Эгон-Бессер. Обе женщины сохранили его письма и написали о нем воспоминания. «Пекарь» Борис Иванов написал воспоминания о жизни Якова, Клавдии и Андрея в сибирской ссылке. Андрей (кв. 319) отредактировал воспоминания матери, написал (в соавторстве) три детективных повести по материалам своей работы в НКВД и фигурирует в роли следователя в воспоминаниях Анны Лариной-Бухариной (кв. 470). После ареста бывшего начальника следственного отдела ВЧК Григория Мороза (кв. 39) его жену Фанни Львовну Крейндель и старшего сына Самуила отправили в лагерь, а младших сыновей Владимира и Александра – в детский дом. Владимир вел дневник и написал несколько писем, которые были использованы в качестве доказательства его вины (и впоследствии опубликованы); Самуил написал воспоминания и отправил их в музей. Ева Левина-Розенгольц, профессиональная художница и сестра наркома внешней торговли Аркадия Розенгольца (кв. 237), провела семь лет в ссылке и создала несколько графических циклов о тех, кто вернулся, и тех, кто не вернулся. Старейшая старая большевичка Елена Дмитриевна Стасова (кв. 245, 291) посвятила последние десять лет жизни «реабилитации» тех, кто вернулся, и тех, кто не вернулся.

Юлия Пятницкая, жена секретаря Исполкома Коминтерна Осипа Пятницкого (кв. 400), начала вести дневник незадолго до ареста мужа и вела его до своего ареста. Дневник был опубликован ее сыном Владимиром, который написал книгу об отце. Татьяна Мягкова, жена председателя Госплана УССР Михаила Полоза (кв. 199), писала своим близким из ссылок, тюрем и лагерей. Ее письма сохранила и перепечатала ее дочь Рада Полоз. Наталия Сац, жена наркома внутренней торговли Израиля Вейцера (кв. 159), основала первый в мире детский театр и написала две автобиографии, одна из которых описывает ее пребывание в ссылках, тюрьмах и лагерях. Агнесса Аргиропуло, жена начальника УНКВД Западной Сибири и автора идеи использования внесудебных троек при проведении массовых репрессий Сергея Мирнова, рассказала об их совместной жизни сотруднице общества «Мемориал», которая опубликовала текст их бесед отдельной книгой. Мария Денисова, жена замнаркома обороны Ефима Щаденко (кв. 10 и 505), послужила прототипом Марии в поэме Маяковского «Облако в штанах». Начальник Московско-Казанской железной дороги Иван Кучмин (кв. 226) послужил прототипом Алексея Курилова в романе Леонида Леонова «Дорога на Океан». Корреспондент «Правды» Михаил Кольцов (кв. 143) послужил прототипом Каркова в романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». Усомнившийся Макар из рассказа Андрея Платонова участвовал в строительстве Дома правительства. Всехсвятская улица, на которой строился Дом правительства, была переименована в честь автора «Железного потока» Александра Серафимовича (кв. 82). Юрий Трифонов, сын комиссара Красной армии и председателя Главного концессионного комитета Валентина Трифонова (кв. 137), написал повесть, превратившую Дом правительства в Дом на набережной. Его вдова, Ольга Трифонова, стала директором музея «Дом

на набережной», который собирает книги, письма, рассказы, картины, дневники, фотографии, граммофоны и другие следы Дома правительства.

Благодарности

На написание этой книги ушло много лет. Я благодарен Гуверовскому институту в Стэнфорде за самый спокойный год жизни и Виссеншафтсколлег в Берлине за один из самых счастливых; Национальному фонду гуманитарных наук, Национальному совету евразийских и восточноевропейских исследований и Калифорнийскому университету в Беркли за финансовую поддержку; Кристиане Бюхнер за сотрудничество и документальный фильм; Ольге Бандример за транскрипцию интервью; Артему Задикяну за несравненные фотографии и столь же несравненную щедрость; Элеоноре Гилбурд, Кэтрин Зубович, Клариссе Ибарре, Николь Итон, Майклу Коутсу, Джейсону Мортону, И. Т. Сидоровой, Виктории Смолкиной, А. Г. Теплякову, Брэндону Шехтеру и Чарльзу Шоу за помощь в поисках документов. Особая благодарность – друзьям и коллегам, которые прочитали всю рукопись и прислали конструктивную и деструктивную критику: Виктории Боннелл, Джорджу Бреслауэру, Амиру Вайнеру, Джеймсу Вернону, Брайану Делэю, Сергею Иванову, Джозефу Келлнеру, Иоахиму Кляйну, Джону Коннелли, Томасу Лакёру, Элизабет Макгуайр, Ольге Матич, Бенджамину Натансу, Эрику Нейману, Энн Несбет, Джой Ноймайер, Дэниелу Орловскому, Ирине Паперно, Этану Поллоку, Игорю Примакову, Хэнку Райшману, Эдварду Уокеру, Мириам Феркелиус, Виктории Фредемонтемайор, Григорию Фрейдину, Дэвиду Холлингеру, Ирвину Шайнеру и всем членам берклийского кружка по русской истории.

Джон Джерде спрашивал меня, как я собираюсь писать эту книгу, пока я не собрался ее писать; Реджи Зельник заметил бы присутствие персонажа, который не жил в Доме правительства; Бригитта ван Райнберг превратила громоздкую рукопись в «Дом правительства»; а Зои Паньямента наглядно показала, как работает хороший литературный агент. Варвара Горностаева руководила созданием русской версии, а Екатерина Владимирская снова научила меня писать на родном языке.

Больше всех я обязан женщинам, которые создали музей «Дом на набережной» и приняли меня в свою среду: покойным Виктории Борисовне Волиной, Елене Ивановне Перепечко и Тамаре Андреевне Тер-Егiazарян и моим друзьям и учителям Инне Николаевне Лобановой, Татьяне Ивановне Шмидт и Ольге Романовне Трифоновой. Эта книга посвящается им.

Взаимность обратно пропорциональна близости. На услугу постороннего следует ответить как можно скорее; близкий друг может ждать обещанной саги двадцать лет; все семьи похожи друг на друга, потому что на них не распространяются правила обмена дарами. Поэтому я не благодарю Петра Слёзкина и Лизу Литтл за их участие в написании этой книги.

Книга третья Под следствием

Часть V Страшный суд

23. Телефонный звонок

Вечером 1 декабря 1934 года Хрущева позвали к телефону.

Звонил Каганович: «Я говорю из Политбюро, прошу вас, срочно приезжайте сюда». Приезжаю в Кремль, захожу в зал. Каганович встретил меня. У него был какой-то страшный и настораживающий вид, очень взволнованный, в глазах стояли слезы. Слышу: «Произошло несчастье. В Ленинграде убили Кирова»¹.

Заместителя управляющего Военно-химическим трестом и бывшего представителя польской компартии при исполкоме Коминтерна Вацлава Богущкого звонок застал дома. С ним (в квартире 342) были его жена, библиотекарь из Института Ленина Михалина Иосифовна, и их девятилетний сын Владимир, который много лет спустя написал воспоминания.

Однажды вечером отца позвали к телефону. Он подошел, как обычно. Но вдруг во время разговора лицо его стало резко меняться. С глубоким волнением он задавал отдельные отрывочные вопросы. Ответов мы не слышали, но тон разговора и выражение его лица нас с мамой насторожили. Когда он повесил трубку, на глазах у него выступили слезы. Мама встревоженно спросила, кто звонил, что случилось? Он назвал фамилию звонившего (это был кто-то знакомый из аппарата Коминтерна или ЦК, сейчас не помню) и тихо сказал: «Кирова убили». Такого выражения горя на лице отца я больше никогда не видел...²

Родители Инны Гайстер, которой тогда тоже было девять лет, обратили внимание, что их соседи по лестничной площадке, начальник строительства Сельскохозяйственной выставки Исаак Коростышевский и его жена, горевали меньше, чем они. «Мама сказала, – рассказывала Инна, – что они так не переживают, потому что у них нет детей». Смерть Кирова стала личной трагедией, которую разные советские семьи переживали в меру своего эмоционального опыта и политической сознательности. Но все понимали, что, как сказал Хрущев, «все изменилось»³.

Агнесса Аргиропуло и Сергей Миронов были в Днепропетровске, где Миронов руководил областным управлением НКВД. 1 декабря Агнесса пришла домой и увидела в прихожей фуражку Миронова.

¹ Хрущев, *Воспоминания*, т. 1, с. 91.

² АОМ, фонд 2 (Коллекция мемуаров), В. Богущкий, *Воспоминания*, с. 2.

³ Интервью автора с И. А. Гайстер, 30 сентября 1997 г.; Хрущев, *Воспоминания*, т. 1, с. 84.

Я удивилась, что он уже дома, быстро прошла в кабинет. Гляжу, он сидит в шинели, даже не раздевался, лицо нездешнее, мысли далеко. Я уже поняла: что-то случилось.

– Что с тобой? – взволнованно.

Он – коротко:

– Кирова убили.

– Какого Кирова?

– Ну помнишь, я тебе на вокзале показывал в Ленинграде.

Я вспомнила. У меня очень хорошая зрительная память. Правда, в Ленинграде я Кирова видела мельком.

Как-то у Сережи выдалось несколько свободных деньков, и мы решили «протряхнуться» в Ленинград: из Москвы на «Красной стреле» туда-назад, там день «покутим». На вокзале мне Сережа показал, шепотом назвал:

– Киров – секретарь обкома.

Среднего роста, лицо располагающее, с нами поздоровался приветливо, сказал:

– Что, наш Ленинград решили навестить?

Начальником Управления НКВД Ленинградской области был Медведь, затем там появился еще Запорожец. Мы их обоих хорошо знали по санаторию в Сочи. Медведь Филипп – большой, плотный. Запорожец – высокий, стройный, прославился на гражданской войне, был ранен в ногу, хромотал. Жена Запорожца Роза была красавицей. У них долго не было детей, прошел слух, что вот сейчас она наконец-то на четвертом месяце. Каждый день она уходила гулять надолго в разные концы – семь-восемь километров туда, семь-восемь километров обратно – тренировалась, укрепляла себя к родам...

– Убит? – удивилась я. – Кем?

– Убийца задержан, фамилия Николаев. – И добавил, резко усмехнувшись: – Плохо работают товарищи ленинградские чекисты!

У него бы, мол, такого не произошло! Но было и облегчение, что это случилось не в его области⁴.

Приемный сын Сталина Артем Сергеев (которому в 1934 году исполнилось тринадцать), сказал буквально то же, что Хрущев: «После этого все изменилось». Близкий друг Сергеева Анатолий Грановский (сын директора Березниковского химического комбината Михаила Грановского) написал примерно то же самое:

Эта новость произвела неуловимую перемену во всем. Люди вели себя так, как будто врач сказал им, что у них опухоль и предстоит выяснить, раковая ли она. Они перестали обсуждать свое состояние и строить предположения – они просто ждали. Впрочем, скоро оказалось, что виноваты троцкисты. Я слабо представлял себе, что значит это слово, но знал, что речь идет о чем-то чудовищном. Я всему верил и не мог вообразить, к чему приведет этот один выстрел⁵.

⁴ Яковенко, *Agnessa*, <http://www.memo.ru/history/agnessa/>

⁵ Simon Sebag Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar* (London: Weidenfeld & Nicolson, 2003), с. 603 (примечание 13); Granovsky, *I Was*, с. 24. Об убийстве Кирова и начале Большого террора см.: Matthew E. Lenoe, *The Kirov Murder and Soviet History* (New Haven: Yale University Press, 2010).

* * *

Козел отпущения – центральная фигура в человеческой жизни. Общество, ощущающее себя в опасности, избавляется от виновных, восстанавливает свою целостность и пытается предотвратить повторение кризиса, разыгрывая его в виде ритуала или раскаиваясь в содеянном (и наказывая виновных в наказании невинных). И термин, и практика коренятся в жертвоприношении.

И принесет Аарон тельца в жертву за грех за себя и очистит себя и дом свой. И возьмет двух козлов и поставит их пред лицом Господним у входа скинии собрания; и бросит Аарон об обоих козлах жребий: один жребий для Господа, а другой жребий для отпущения; и приведет Аарон козла, на которого вышел жребий для Господа, и принесет его в жертву за грех, а козла, на которого вышел жребий для отпущения, поставит живого пред Господом, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения⁶.

Оба козла – для отпущения: оба страдают за грехи наши, и оба нужны ради выкупа богам и искупления живущим («выкуп» и «искупление» – однокоренные слова). Древние греки боролись с несчастьями, изгоняя или убивая убогих («фармакой»). Многие мифы о сотворении мира начинаются с изгнания дьявола или его сподвижников. Некоторые героические повествования (в том числе об Адаме, Моисее, Парисе и Эдипе) начинаются с ритуальной ссылки или попытки детоубийства. Для внедрения сельского хозяйства необходима смерть Авеля. Для основания Рима необходимо сиротство Ромула и Рема и гибель последнего⁷.

Что бы ни было в начале, слово или дело, человеческое жертвоприношение – один из старейших локомотивов истории. Почти вся литература – так или иначе о козлах отпущения. Комедия изображает изгнание с точки зрения общества, трагедия – с точки зрения изгнанника. Комедия посвящена социальному исцелению – временному или мнимому изгнанию главных героев (снобами, драконами, лицемерами, несправедливыми законами и неуступчивыми родителями) и их последующему триумфу, сопровождаемому раскаянием или казнью вредителей. Чтобы Дэвид Копперфильд возмужал, а мистер Микобер (потомок сверхъестественных помощников и слуг-плутов) «начал жизнь сначала», Урия Хип должен уйти. Относительно недавней и чрезвычайно успешной вариацией на тему козла отпущения является жанр детектива, который Нортроп Фрай определил как «ритуальную драму вокруг трупа, в ходе которой перст социального осуждения указывает на нескольких подозреваемых, пока не останавливается на одном из них. Ощущение, что жертву выбирают по жребию, усиливается благодаря малой убедительности доказательств виновности». В пессимистической версии герой теряет надежду на реформирование общества, переосмысляет жертвоприношение и отправляется в добровольную ссылку (буквально, как Чацкий, или символически, как brave солдат Швейк). В сюжетах о Ное, Лоте и Энее обновление мира требует двух жертв: геноцида и изгнания⁸.

Трагедия (от греческого слова «козел») посвящена акту жертвоприношения и фигуре жертвы. Эдип, Макбет и Анна Каренина в каком-то смысле виновны; Жанна Д'Арк, Йозеф К.

⁶ Лев. 16:6–10.

⁷ Walter Burkert, *Greek Religion: Archaic and Classical* (Blackwell, 1985), с. 82–84; René Girard, *The Scapegoat* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986); Robert G. Hamerton-Kelly, ed., *Violent Origins* (Stanford: Stanford University Press, 1987); Walter Burkert, *Homo Necans: Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen* (Berlin: Walter de Gruyter, 1972), особ. с. 60–85.

⁸ Northrop Frye, *Anatomy of Criticism: Four Essays* (Princeton: Princeton University Press, 1957), с. 43–49, 163–186 и др. (цитата на с. 46).

и Тэсс из рода д'Эрбервиллей в каком-то смысле невиновны; Ифигения, Иисус и Ромео и Джульетта – принципиально невинны и сознательно жертвенны. Но главное не в этом (как объясняет Иову судья последней инстанции). Трагедию интересует не состав преступления, а неизбежность падения. Агнцы и козлы идут на заклание вместе. Иисус был распят одновременно с двумя разбойниками, безумным и благоразумным, и в каком-то смысле за то же (Софокл без труда указал бы на гордыню Иисуса). Все отверженные – искупительные жертвы. И наоборот. Злодеи комедии («печально известные Хипы») могут обернуться трагическими героями, а трагические герои могут оказаться невинными. Эдип начинает жизнь как брошенный младенец, а кончает как отверженный царь. То же происходит с Моисеем. Роман Харпер Ли «Убить пересмешника» посвящен традиционному американскому ритуалу казни козла отпущения: суду над черным мужчиной по обвинению в изнасиловании белой женщины. При этом неофициальный подозреваемый и главный обвинитель тоже традиционные козлы отпущения – загадочный отшельник и городской пьяница. Черный мужчина остается невинной жертвой, неофициальный подозреваемый оказывается героем-победителем, а главный обвинитель наказан как безумный разбойник. Все легко узнаваемы и связаны узами родства; самый знаменитый городской пьяница в Америке – отец Гека Финна⁹.

Козлы во плоти ассоциируются с кризисами: от семейных скандалов и школьных «темных» до «окончательного решения» и «войны с террором». Жертв выбирают из числа чужаков, чужаков и обладателей опасного знания (калек, жрецов, близнецов, ростовщиков, торговцев, инородцев, монахов, аристократов, старух и знахарей) и обвиняют в совершении преступлений, угрожающих основам общественной жизни: отравлении, кровосмешении, изнасиловании, детоубийстве, людоедстве, иконоборчестве, кровавых жертвах и бессмысленных разрушениях. Если кризис не ослабевает, к поиску виновных присоединяются новые группы преследователей, а к старым обвинениям – новые. Если поисками занимается судебная система, искусные допросы и серийные признания вовлекают друзей и родственников подозреваемых и ведут к раскрытию крупных заговоров. В конце 1620-х – начале 1630-х, в разгар «религиозных войн» и после нескольких подряд неурожаев, охота на ведьм в баварском Бамберге завершилась сожжением нескольких сотен человек, включая почти всю городскую элиту. Одним из них, согласно протоколу допросов, был бургомистр Йоханнес Юниус¹⁰.

В среду 28 июня 1628 г. был допрошен без пристрастия Йоханнес Юниус, бургомистр Бамберга, по обвинению в колдовстве – как и вследствие чего впал в этот порок. Возраст – пятьдесят пять лет, родом из Нидервайзиха в Веттерау. Утверждает, что невиновен, ничего не знает ни о каких преступлениях и никогда не был отступником; говорит, что его оклеветали перед Богом и людьми и что не может быть свидетелей, которые видели бы его на ведьминских шабашах.

Очная ставка с доктором Георгом Адамом Хааном. Говорит, что клянется жизнью, что полтора года назад видел его, Юниуса, на ведьминском шабаше в комнате городского совета, где они ели и пили. Обвиняемый все отрицает.

Очная ставка с Эльзе Хопфен. Говорит, что Юниус был на большом болоте на ведьминских плясках, а до этого осквернил просфору. Юниус все отрицает. Ему сказано, что его сообщники сознались и показали на него и что ему дается время на размышление.

⁹ Там же, с. 35–43, 206–223.

¹⁰ Erich Goode, Nachman Ben-Yehuda, *Moral Panics: The Social Construction of Deviance* (Cambridge, MA and Oxford, UK: Blackwell, 1994), особ. с. 144–184; Wolfgang Behringer, *Witches and Witch-Hunts: A Global History* (Cambridge, UK: Polity Press, 2004), с. 4–5, 12–13, 113–131 и др.; David Frankfurter, *Evil Incarnate: Rumors of Demonic Conspiracy and Ritual Abuse in History* (Princeton: Princeton University Press, 2006).

В пятницу 30 июня 1628 г. Юниусу было без пыток предложено во всем сознаться, но он опять отказался, вследствие чего, так как он ни в чем не сознался, к нему применены пытки¹¹.

После пяти дней пыток и «увещеваний» Юниус сознался в том, что был соблазнен дьяволицей, отступил от Бога, вступил в тайный сговор, участвовал в ведьминских плясках, осквернил просфору и покушался на убийство сына и дочери (но убил гнедую кобылу). 24 июля 1628 года он написал секретное письмо дочери.

Тысячи пожеланий доброй ночи моей горячо любимой дочери Веронике. Безвинным пришел я в эту тюрьму, безвинным пострадал, безвинным умру. Потому что любого, кто здесь окажется, либо превратят в ведьму, либо будут мучить, пока он – Бог ему в помощь – что-нибудь не придумает. Я расскажу, что произошло со мной. В первый день пыток со мной были доктор Браун, доктор Коцендорфер и два незнакомых доктора. Доктор Браун спросил: «Кум, как ты здесь оказался?» Я ответил: «По навету и по несчастью». «Послушай, – говорит он, – ты колдун. Сознайся по доброй воле. Если не сознаешься, вызовем палача и свидетелей». «Я не колдун, – говорю, – и совесть моя чиста. Мне нечего бояться; приведите хоть тысячу свидетелей, я с радостью всех выслушаю». Сначала привели сына канцлера, а потом Эльзе Хопфен. Она сказала, что видела меня на большом болоте. Я ответил: «Я никогда не отступал от Бога и, с Его помощью, никогда не отступлю. Стерплю, что должен стерпеть». После этого – спаси меня, милостивый Боже, – пришел палач, связал мне руки и вставил пальцы в тиски, так что из-под ногтей и отовсюду потекла кровь, и я четыре недели не мог шевелить пальцами, как видишь по почерку... Потом меня раздели, связали руки за спиной и вздернули к потолку. И я подумал, что не увижу больше ни земли, ни неба. И так восемь раз поднимали и опускали, и я претерпел страшную муку...

Это произошло в пятницу 30 июня, и я все, с Божьей помощью, стерпел... И палач повел меня обратно в тюрьму и вдруг говорит: «Умоляю вас, милостивый государь, сознайтесь, ради Бога, в чем-нибудь, не важно в чем. Придумайте что-нибудь, потому что выдержать пытку, которую вам назначат, нет никакой возможности. И даже если выдержите, не будет вам облегчения, потому что пытки будут следовать одна за другой, пока вы не сознаетесь. Только тогда они вас отпустят, как видите по их судебным процессам, которые все как один...»

Осознав ужас моего положения, я попросил, чтобы мне дали священника и день на размышление. В священнике мне отказали, но время на размышление дали. И вот, дитя мое, сама посуди, перед каким выбором я оказался и до сих пор нахожусь. Я должен признаться в том, что я колдун, хотя это неправда, и отказаться от Бога, хотя никогда раньше этого не делал. Я промучился весь день и всю ночь и наконец надумал вот что. Раз мне не дали священника, у которого я мог бы спросить совета, я сам что-нибудь придумаю, скажу это устами и словами, хоть это и неправда, а потом исповедаюсь у священника. И пусть те, которые заставили меня сказать неправду, отвечают перед Богом... И я во всем сознался, и все было ложью...

¹¹ George L. Burr, ed., *The Witch Persecutions in Translations and Reprints from the Original Sources of European History*, 6 vols. (Philadelphia: University of Pennsylvania History Department, 1898–1912), т. 3, № 4, с. 23–24, <http://history.hanover.edu/texts/bamberg.html>, Scanned by Mike Anderson, May 1998. Proofread and pages added by Jonathan Perry, March 2001.

После этого мне велели сказать, кого я видел на шабаше. Я сказал, что никого. «Старый сукин сын, – говорят, – сейчас палача позovem. Разве там не было канцлера?» «Был», – говорю. «А еще кто там был?» Я сказал, что больше никого не узнал. Тогда они говорят: «А ты вспомни все улицы города, одну за другой, и иди от рыночной площади по одной улице, а обратно по другой». Мне пришлось назвать еще несколько человек. Дошел до длинной улицы. Сказал, что никого не знаю, но пришлось назвать восемь человек. В Цинкерверте назвал еще одного. Прошел по верхнему мосту до Георгиевских ворот, сказал, что никого не знаю. «А в замке, – говорят, – знаешь кого-нибудь? Говори, не бойся». И так по каждой улице. Но я сказал, что больше никого не знаю. Тогда они позвали палача, велели ему обрить мне все тело и приказали пытаться. «Сукин сын знает кое-кого на рыночной площади, каждый день с ним видится, а называть не хочет». Я знал, что они имеют в виду Дитмайера. Пришлось и его назвать.

После этого я должен был перечислить свои преступления. Я ничего не сказал.

«Вздерни сукиного сына!» Тогда я сказал, что собирался убить детей, но вместо этого убил лошадь. Но этого было мало. Тогда я сказал, что осквернил просфору, и меня отпустили.

Такова моя исповедь, дитя мое. И за это я должен погибнуть. Но все это ложь, и да поможет мне Бог¹².

И приписал на полях: «Дитя мое, на меня показали шесть человек: канцлер, его сын, Нойдекер, Цанер, Урзель Хоффмайстер и Эльзе Хопфен – ложно и под пытками, в чем сами признались перед казнью. Умоляли, чтобы я их, Христа ради, простил и сказали, что ничего, кроме хорошего, обо мне не знают и что их заставили клеветать, так же как и меня самого»¹³.

* * *

В 80-е годы XX века, в разгар «культурных войн» вокруг аборта, гомосексуализма и института семьи, тысячи американцев подверглись обвинениям в пытках и изнасилованиях маленьких детей. В 1980 году две супружеские пары из округа Керн в Калифорнии были приговорены к 240 годам тюремного заключения за истязания своих детей и продажу их в сексуальное рабство. Следующим летом еще несколько человек из того же округа были приговорены к срокам от 273 до 405 лет за то, что одурманивали своих детей наркотиками, подвешивали их к потолку и периодически насиловали в присутствии третьих лиц. В марте 1984 года семь воспитателей из детского сада Макмартин в городе Манхэттен-Бич под Лос-Анджелесом были арестованы за сексуальные преступления против 360 детей. По версии обвинения, они пили кровь, ели экскременты, резали детей на куски и устраивали оргии в подвалах, на кладбищах и на воздушных шарах. В последующие десять лет несколько сотен детских садов в США предстали перед судом по обвинению в «ритуальном насилии». Процессы начинались с жалобы одного или нескольких родителей и быстро разрастались в массовые кампании с участием различных учреждений и активистов. Доказательствами служили показания детей и, в некоторых случаях, признания подзащитных. Никаких шрамов, фильмов, останков, непосредственных свидетелей и подземных ходов представлено не было. Большинство подзащитных не видели своих обвинителей и не подлежали презумпции невинности¹⁴.

¹² Там же, с. 26–28.

¹³ Там же, с. 28.

¹⁴ James Davidson Hunter, *Culture Wars: The Struggle for America* (NY: Basic Books, 1990); Debbie Nathan, Michael Snedeker,

В тот же период сотни взрослых начали обвинять родителей в сексуальном насилии. В августе 1988 года две молодые женщины из округа Тёрстон в штате Вашингтон внезапно вспомнили, что в течении многих лет подвергались сексуальному насилию со стороны своего отца, помощника шерифа и окружного председателя республиканской партии Пола Ингрэма. Когда коллеги Ингрэма из полицейского отделения сообщили ему об этом, он отверг все обвинения, но добавил, что, так как его дочери не стали бы лгать о подобных вещах, у его души может быть «темная сторона», о существовании которой он ничего не знает. После нескольких часов допросов он признал свою вину. Спустя еще полгода он признался, что принадлежит к сатанинскому культу, члены которого пьют кровь, убивают младенцев и насилуют людей и животных. К июню 1993 года более четырех тысяч американцев обвинили своих родителей в сексуальном насилии. Около 17 % обвинений касались сатанинских ритуалов. Согласно статье работника отдела наказаний штата Айдахо, разосланной в полицейские участки по всей стране, сатанинские культы приносили в жертву от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек в год. В 1988 году психиатр Бенетт Г. Брон, по оценке которого около пятидесяти тысяч американцев страдали от «раздвоения личности» в результате сексуального насилия, заявил, что сатанинские культы США подчиняются международной организации, «структура которой аналогична структуре коммунистических ячеек»¹⁵.

Судебная активность сопровождалась сообщениями в прессе об отравленных леденцах на Хэллоуин, сетях детской порнографии, убежищах для избитых женщин, кодированных сообщениях в рок-песнях и тысячах похищенных детей (изображенных на молочных пакетах во всех продовольственных магазинах). Христианские фундаменталисты, защищавшие дом и семью от дьявола, и радикальные феминистки, защищавшие женщин и детей от патриархии, объединили усилия в борьбе с дьяволом. Когда Фрэнк Фустер, владелец детского сада в пригороде Майами, был осужден по четырнадцати обвинениям в сексуальном насилии и приговорен к 165 годам тюремного заключения, редакционная статья в «Майами Геральд» попыталась выразить чувства своих читателей¹⁶:

Мало кто из преступников в истории Южной Флориды заслуживал пожизненного заключения больше, чем Фрэнк Фустер Эскалона. Он сидел в детском саду «Лесная прогулка» как ядовитый паук, соткавший страшную паутину. Он совершал акты сексуального насилия над детьми, вверенными ему их родителями... И если эти ужасы должны были произойти, то ради того, чтобы были сделаны правильные выводы. Законы пересмотрены, жертвам оказана помощь, родители получили больше прав, общественное самосознание повышено. А чудовище Фустер проведет остаток своей неестественной жизни в клетке, где ему и место¹⁷.

Психотерапевты играли роль полицейских, а полицейские занимались психотерапией. И те и другие оказались вовлечены в сложносочиненный поиск скрытых врагов и утраченной памяти. Количество врагов и воспоминаний росло в прямой пропорции к затраченным усилиям. Один из пионеров археологии насилия, психиатр Лоуренс Паздер, утверждал, что сексу-

Satan's Silence: Ritual Abuse and the Making of a Modern American Witch Hunt (New York: Basic Books, 1995), с. 2–3, 53–103; Lawrence Wright, *Remembering Satan* (New York: Knopf, 1994), с. 73–75; Mary de Young, *The Day Care Ritual Abuse Moral Panic* (Jefferson, NC: McFarland & Company, 2004), с. 152. См. также: *Sex Offender Laws Research*, <http://www.solresearch.org/~SOLR/rprt/bkgrd/FalsAcCases.htm>

¹⁵ Wright, *Remembering Satan*, с. 3–11, 23–27, 37, 48, 59–62, 75–76, 163–164, 86 и др. (цитата Ингрэма на с. 7, цитата Брона на с. 83); Jeffrey S. Victor, *Satanic Panic: The Creation of a Contemporary Legend* (Chicago: Open Court, 1993), с. 104 и др.; Откр. 16:19–20.

¹⁶ Wright, *Remembering Satan*, с. 74; Nathan, Snedeker, *Satan's Silence*, с. 11–50; Frankfurter, *Evil Incarnate*, с. 58; Victor, *Satanic Panic*; Philip Jenkins, Daniel Maier-Katkin, «Occult Survivors: The Making of a Myth» в: James T. Richardson et al., eds., *The Satanism Scare* (New York: Aldine de Gruyter, 1991), с. 127–144.

¹⁷ Цитата из: de Young, *The Day Care Ritual Abuse Moral Panic*, с. 80–81.

альные хищники создали тайное общество «нормальных с виду» чудовищ, которые проникли во все сферы общества под личиной «врачей, священнослужителей и представителей самых разных профессий». Согласно социологическому опросу 1991 года, около 50 % социальных работников в Калифорнии считали, «что сатанинское ритуальное насилие является результатом общенационального заговора хищников и детоубийц, многие из которых пользуются авторитетом в обществе и ведут нормальный с виду образ жизни. Большинство опрошенных полагает, что жертвы актов экстремального насилия склонны вытеснять память о них»¹⁸.

Согласно теории, на которой основывались обвинения, «вытеснению» (репрессии) подлежали не запретные желания, а реальные акты насилия. Память вытеснялась немедленно вслед за событиями; терапия заключалась в «восстановлении памяти» во имя исцеления жертвы и наказания виновных. Признания добывались и толковались психотерапевтами, не связанными правилами проверки и подтверждения. Помощник шерифа Пол Ингрэм был пятидесятилетним, привыкшим «говорить на языках», и полицейским, обученным теории «вытесненной памяти». После нескольких часов допроса он сказал следователям: «Я верю, что они говорят правду и что я их насиловал на протяжении длительного времени, а потом вытеснил память об этом». Три дня спустя он попросил пастора Джона Братуна из Церкви Живой Воды изгнать вселившегося в него дьявола. Совместные усилия следователя и заклинателя принесли немедленный результат. И тот и другой были практикующими психотерапевтами¹⁹.

Ингрэм стал вспоминать людей в плащах, стоящих на коленях вокруг костра. Ему показалось, что он видит труп. Слева от него стоял кто-то в красном плаще и не то в платке, не то в шлеме. «Наверное, дьявол», – предположил он. Люди стонали и причитали. Ингрэм вспомнил, как он стоял на какой-то платформе и смотрел на огонь. Кто-то дал ему большой нож и велел принести в жертву живого черного кота. Он вырезал бьющееся сердце и поднял его над головой на острие ножа²⁰.

Другим источником признаний был шантаж обвиняемых, известный как «сделка со следствием». Двадцатипятилетней Джине Миллер, проходившей в качестве второстепенной обвиняемой на одном из процессов в округе Керн, предложили юридический иммунитет, новую идентичность, финансовую помощь и опеку над ее четырьмя детьми в обмен на признание факта участия в сатанинском сексуальном насилии и согласие дать показания против других подсудимых. Она отказалась, ссылаясь на свою невиновность, и получила 405 лет тюремного заключения – больше, чем предполагаемые «вожди культа». Во фрейдистской судебной системе отрицание вины являлось ее доказательством и симптомом (не актом самозащиты, а «защитным механизмом»). 7 июля 1995 года, после девяти лет тюремного заключения за сексуальное насилие в детском саду, где он работал сменщиком дворника, Томас Макикин написал письмо журналисту Марку Пендерграсту: «Я один из тех, кого ни за что посадили. С 1992 года у меня было три слушания о досрочном освобождении, и все три раза мне отказали, потому что я не окончил курсы для сексуальных преступников. А когда я их окончил, психолог сказал, что не может рекомендовать меня к досрочному освобождению, потому что я настаиваю на своей невиновности, а значит, нахожусь на стадии отрицания»²¹.

¹⁸ Frederick Crews, *The Memory Wars: Freud's Legacy in Dispute* (New York: New York Review of Books, 1995), с. 18–23, 185–187, 219–222; Sherrill Mulhern, «Satanism and Psychotherapy: A Rumor in Search of an Inquisition» в: Richardson et al, *The Satanism Scare*, с. 145–172; Victor, *Satanic Panic*, с. 104; Wright, *Remembering Satan*, с. 78 (опрос в Калифорнии). «Молотом ведьм» этой кампании служила книга: Ellen Bass, Laura Davis, *The Courage to Heal: A Guide for Women Survivors of Child Sexual Abuse* (впервые опубликована в 1988 г.).

¹⁹ Wright, *Remembering Satan*, с. 8, 58.

²⁰ Там же, с. 59.

²¹ Nathan, Snedeker, *Satan's Silence*, с. 160–161; Mark Pendergrast, *Victims of Memory: Sex Abuse Accusations and Shattered Lives* (Hinesburg, VT: Upper Access, Inc., 1996), с. 367. Данные о Томасе Макикине см.: <http://www.sexoffendersarchive.com/>

Когда дело Пола Ингрэма начало рушиться под тяжестью босхианских деталей, которыми он снабжал следствие, суд пригласил специалиста по «культам» Ричарда Офши из Калифорнийского университета в Беркли. Тот заключил, что воспоминания Ингрэма не могут быть подлинными, и посоветовал ему отозвать признание. После двух месяцев раздумий (он вел специальный дневник, в котором классифицировал воспоминания по степени надежности) Ингрэм написал в Библии «умер для себя» и подал заявление об отмене признания. Ему ответили отказом. Перед оглашением приговора он сказал: «Я стою перед вами и перед Богом. Я никогда не насиловал своих дочерей. Я не виновен в этих преступлениях». Он был приговорен к двадцати годам тюремного заключения и отсидел пятнадцать²².

В августе 1984 года тридцатипятилетний иммигрант с Кубы Фрэнк Фустер и его семнадцатилетняя жена из Гондураса, Илеана Флорес, были арестованы за ритуальное насилие над двадцатью детьми в пригороде Майами. Государственный прокурор округа Дейд и главный обвинитель Джанет Рено (баллотировавшаяся на следующий срок) пообещала «сделать все возможное для того, чтобы виновные понесли заслуженное наказание». Илеана провела шесть месяцев в одиночном заключении при ярком электрическом свете. Как она рассказала семнадцать лет спустя: «Я была одна в крошечной камере с кроватью и унитазом. Но меня все время переводили из камеры в камеру. Никогда не забуду одну такую камеру. Она называлась 3A1. Никогда не забуду, потому что большинство людей там... Это была одна большая комната, поделенная на камеры. И большинство людей, то есть все, кто там был, были или под наблюдением из-за попытки самоубийства, или сумасшедшие. И все голые». Адвокат сказал Илеане, что ее единственный шанс – признать вину и дать показания на мужа. Два психолога из организации «Бехейвиор чейнджers» («Меняем поведение») приходили к ней в тюрьму тридцать пять раз. «Это определенного рода манипуляция, – объяснил один из них, доктор Майкл Раппапорт. – Сначала создаешь хорошее настроение, а потом переходишь к тяжелым вещам». Несколько раз приходила Джанет Рено. «Приходила и говорила: «Здравствуй! Я Джанет Рено, государственный прокурор». Я ей говорю: «Я невиновна». А она: «Боюсь, что виновна. Ты обязана нам помочь». Я к тому времени уже около года в тюрьме сидела, точно не помню. Я очень надеялась, что она мне поможет. Но я ее боялась, особенно после того, как она сказала, что, если я им не помогу, она так сделает, что я никогда оттуда не выйду»²³.

Двадцать второго августа 1985 года Илеана согласилась признать себя виновной. «Я хочу, чтобы вы знали, – сказала она в зале суда, – что я признаю себя виновной не потому, что чувствую себя виновной, а потому что я думаю... Я думаю, что это в моих интересах и в интересах детей, и суда, и всех тех, кто связан с этим процессом. Но я не чувствую себя виновной. И этих преступлений не совершала»²⁴.

Сидя между Раппапортом, который время от времени обнимал ее за плечи, и Джанет Рено, которая держала ее за руку, Илеана рассказала, что Фрэнк насиловал ее, поливал кислотой, вставлял в анус распятие, а во влагалище – пистолет и змею и заставлял заниматься оральным сексом с детьми. Если она не могла вспомнить какой-либо эпизод, Раппапорт просил перерыва; проводя несколько минут наедине, они возвращались, и она продолжала давать показания. Фрэнка приговорили к шести срокам пожизненного заключения и 165 годам дополнительно. Илеана получила десять лет плюс десять условно, провела три с половиной года в программе для несовершеннолетних правонарушителей и была депортирована в Гондурас.

citydirectory/PA/Brookhaven/Thomas_Mceachin_536231

²² Wright, *Remembering Satan*, с. 134–192 (цитата на с. 188). См. также: «Listing of information on 159 cases» в: *Sex Offender Laws Research*, <http://www.solresearch.org/~SOLR/rprt/bkgrd/FalsAcCases.htm>

²³ de Young, *The Day Care Ritual Abuse Moral Panic*, с. 71; интервью Илеаны Флорес, июль 2001 г., в документальном фильме PBS «Did Daddy Do It?», <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/fuster/interviews/ileana.html>; Nathan, Snedeker, *Satan's Silence*, с. 173–174.

²⁴ Nathan, Snedeker, *Satan's Silence*, с. 175.

В марте 1993 года Джанет Рено была назначена генеральным прокурором Соединенных Штатов (после того как два предыдущих кандидата сняли свои кандидатуры из-за скандалов с нелегально проживавшими в США нянями). Спустя месяц она приказала федеральным войскам начать операцию по захвату жилого комплекса апокалиптической секты «Ветвь Давидова». Во время штурма с применением танков и артиллерии в здании начался пожар, в котором погибло семьдесят шесть человек. Джанет Рено объяснила свое решение опасениями, что дети членов секты подвергались сексуальному насилию²⁵.

Летом 2001 года Илеана попросила телевизионный канал Пи-би-эс взять у нее интервью. Журналист спросил, «произошли ли на самом деле» события, о которых она рассказывала на процессе²⁶.

Ответ. Нет.

Вопрос. Независимо от того, что вы думаете о Фрэнке Фустере как муже и человеке, виновен ли он в преступлениях, за которые его осудили и посадили в тюрьму?

Ответ. Нет, не виновен.

Вопрос. Делал ли он то, о чем вы рассказывали? Были ли вы свидетелем поступков, в совершении которых его обвиняли? Поступков в отношении детей, которые бывали у вас дома?

Ответ. Я никогда ничего подобного не видела.

Вопрос. Вся эта чудовищная история, известная как дело о сексуальном насилии в детском саду «Прогулка в лесу», – имела ли она место в реальности?

Ответ. Нет, не имела... Я никогда никаких детей и никого не обижала. Ничего этого не было²⁷.

В июле 1998 года тот же журналист взял интервью у Фрэнка Фустера, отбывавшего первое из шести пожизненных заключений.

Вопрос. Фрэнк, предлагали ли вам сделку со следствием?

Ответ. О да. Настаивали. Предлагали пятнадцать лет. И если бы я согласился, я вышел бы отсюда десять лет назад.

Вопрос. А почему вы не согласились?

Ответ. Потому что я невиновен. Я пошел на суд не только ради себя, но и ради детей. Я пошел на суд ради Илеаны. Я пошел на суд ради всех людей, которые в этом участвовали. Кто-то должен был сказать правду. И я решил это сделать. И сделал²⁸.

На момент написания этой книги Фрэнк Фустер провел в тюрьме тридцать лет²⁹.

* * *

Козлов отпущения приносят в жертву всегда и повсюду – символически (в мифах, фильмах, храмах) и во плоти (пока в США охотились на сатанистов, в ЮАР живьем сжигали колдунов и предателей, а в бывшей Югославии «этнически чистили» союзные республики). Некото-

²⁵ Там же, с. 175–177.

²⁶ «Ileana Flores's 1994 deposition» in «Did Daddy Do It?», <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/fuster/frank/94recant.html>; «Did Daddy Do it?» transcript, <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/fuster/etc/script.html>

²⁷ Интервью Илеаны Флорес.

²⁸ Интервью Фрэнка Фустера, «Did Daddy Do It?» <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/fuster/interviews/fuster.html>

²⁹ Florida Department of Law Enforcement, Sexual Offender/Predator Flyer, <http://offender.fdle.state.fl.us/offender/flyer.do?personId=58857>

рым обществам удастся ограничивать жертвоприношения особыми обстоятельствами; другим приходится импровизировать акты очищения во время внезапных катастроф. Секты (группы единоверцев, противостоящие развращенному миру) – по определению осажденные крепости. Милленаристские секты (секты, готовящиеся к апокалипсису) находятся в состоянии перманентной моральной паники. Чем лихорадочнее ожидание, тем непримиримее враг; чем непримиримее враг, тем важнее внутренняя сплоченность; чем важнее внутренняя сплоченность, тем нужнее козлы отпущения³⁰.

Мюнстерские анабаптисты изгнали католиков и лютеран, ввели принудительное крещение взрослых (обязательное членство в секте для всех граждан) и пришли к выводу, что никто из правоверных не «совершенен, как совершенен их небесный Отец». Тайпинские воины потеряли способность отличать «манчжурских варваров» у ворот небесной столицы от скрытых врагов внутри. Робеспьер утверждал, что подлинные «враги народа» – не аристократы и иностранцы, столпившиеся у границы, а граждане, «разлагающие мораль и оскоряющие гражданскую совесть». Армагедон требует охоты на ведьм³¹.

Египет мог быть наказан многими казнями, но когда зараза распространилась на избранный народ, Моисей встал в воротах стана и сказал:

Кто Господень, – ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины. И он сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждого брата своего, каждого друга своего, каждого ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек. Ибо Моисей сказал: сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошлет Он вам сегодня благословение³².

Отступники не только объединяются с внешним врагом; они хуже внешних врагов, потому что они познали путь правды. Как писал Петр во Втором послании: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи»³³.

В преддверии Конца все враги связаны друг с другом и с несправедливыми мыслями. Те, которые делают сознательный выбор, хуже тех, которые не слышали святой заповеди. Скрытые враги хуже злодеев с печатью на лбу. В милленаристских сектах (и унитарных государствах с сектантскими ожиданиями вроде Арагона и Кастилии времен «католических монархов») все враги злостные и скрытые, и нет врагов опаснее лжепророков.

Сатана – падший ангел; Антихрист – лже-Христос; Иуда – обремененный особым доверием апостол. Корей, который спросил у Моисея, почему он «ставит себя выше народа Господня», – левит, поставленный Господом выше его народа (избранного из всех народов). Аарон, который отступил от Бога, сделав золотого тельца, – брат Моисея и первый священнослужитель. Мариам, которая присоединилась к Аарону, спросив, «одному ли Моисею говорил Господь», – их старшая сестра и спасительница младенца Моисея. Иудейский бог не гнушался кумовства (Корея поглотила земля, Мариам вернулась после семидневной ссылки, а Аарон был прощен). Его неподкупные наследники не могли себе этого позволить. В проповеди об учиненном леви-

³⁰ Behringer, *Witches and Witch-Hunts*, с. 213–214; Joanna Ball, «The Ritual of the Necklace», Publication of the Centre for the Study of Violence and Reconciliation, March, 1994, <http://the-ritual-of-the-necklace.html/www.csvr.org.za/index.php/publications/1632->; Gorski, *The Disciplinary Revolution*, с. 121.

³¹ Scurr, *Fatal Purity*, с. 182.

³² Исх. 32:26–29.

³³ 2 Пет. 2:20–22.

тами побоище Кальвин сказал женецам: «Безжалостно убивая братьев своих, вы демонстрируете преданность Богу, ибо преступаете законы природы во имя верховенства Господа»³⁴.

Все сектанты практикуют самоанализ и взаимное наблюдение с целью разоблачения инакомыслия. Милленаристы подозрительнее и оптимистичнее других, потому что сегодняшние враги – последние. Как писал Петр (вопреки собственной логике):

Ибо, если Бог ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами адского мрака, предал блюсти на суд для наказания; и если не пощадил первого мира, но в восьми душах сохранил семейство Ноя, проповедника правды, когда навел потоп на мир нечестивых; и если города Содомские и Гоморрские, осудив на истребление, превратил в пепел, показав пример будущим нечестивцам, а праведного Лота, утомленного обращением между людьми неистово развратными, избавил (ибо сей праведник, живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные) – то, конечно, знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания³⁵.

То, что это случалось раньше, – лучшая гарантия того, что этого больше не произойдет. Вернее, произойдет всего один раз. Беззаконники рождены как животные, «на уловление и истребление», и как животные умрут. В этот раз навсегда³⁶.

* * *

Большевики жили в осажденной крепости. Революция и Гражданская война сопровождалась «концентрированным насилием» против легко опознаваемых врагов из верхней части бухаринского списка («паразитические слои», «непроизводительная административная аристократия», «буржуазные предприниматели-организаторы» и «административная бюрократия»). Увещевания 1920-х годов были попыткой преодолеть великое разочарование, аналогичной Второму посланию Петра (главная тема которого – очевидное неисполнение пророчества). Третьим и решительным боем стала сталинская революция против остального списка, включая «техническую интеллигенцию», «зачиточное крестьянство», «среднюю, а отчасти и мелкую городскую буржуазию» и «духовенство, даже неквалифицированное». XVII съезд партии провозгласил победу, условно простил сомневающихся и положил начало царствию святых³⁷.

Открытых врагов не осталось. Большинство советских граждан превратились в «беспартийных коммунистов». Государство не настаивало на коллективном крещении и изгнании номинальных иноверцев (как в случае мюнстерских анабаптистов и «отвоеванной» Испании), но результат был тот же: все подданные стали по определению верующими, а всякое инакомыслие – проявлением отступничества (а не вражеского сопротивления). Поддержание внутреннего единства требовало не концентрированного насилия, а «поперечного разреза души» (как выразился административный директор Нового театра при обсуждении «обратной стороны сердца»). Бухарин называл это дисциплиной, «принудительный характер которой тем сильнее чувствуется, чем меньше добровольной, внутренней дисциплины, т. е. чем менее революционен данный слой или данная группа пролетариата. Даже пролетарский авангард, который сплочен в партию переворота, в коммунистическую партию, устанавливает такую *принудительную самодисциплину* в своих рядах; она ощущается здесь многими составными

³⁴ Числ. 16:3, 19; 12:2, 10; 16:32; Втор. 9:20; Michael Walzer, *Exodus and Revolution* (New York: Basic Books, 1985), с. 64, 111.

³⁵ 2 Пет. 2:4–9.

³⁶ 2 Пет. 2:12.

³⁷ Бухарин, *Экономика переходного периода*, с. 163.

частями этого авангарда мало, так как она совпадает с внутренними мотивами, но тем не менее она есть». Бухарин не раз ощутил это на себе. После праздника победы, к которому он присоединился из «обоза», все советские граждане оказались в его положении³⁸.

Насколько эффективны были самодисциплина и принудительная дисциплина? С одной стороны, квартиры наполнялись зятями и скатертями, Дон Кихоты сменялись Санчо Пансами, а Израиль Вейцер женился на Наталии Сац и купил костюм. С другой – школа, радио и «работа над собой» успешно воспитывали таких «беспартийных большевиков», как Володя Иванов и Лева Федотов. Социализм был делом времени, а время было неуловимым, но предсказуемым. Как писал Петр: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию». То же справедливо в отношении истории, которая терпеливо ждала, пока экономические предпосылки выстраивались в ряд, а Володя Иванов и Лева Федотов работали над собой. Враги стояли у ворот, курицы и петухи путались под ногами, но в 1934 году казалось, что большевики последуют совету Петра, сохраняют веру и не поддадутся увещаниям наглых ругателей. И вдруг, в первый день последнего месяца волшебного года, зазвонил телефон³⁹.

* * *

Почему убийство заметного, но ничем не замечательного чиновника привело к моральной панике, которая «все изменила»?

Первая причина – внутренняя. Советский Союз был осажденной крепостью в капиталистическом окружении, а Дом правительства – в Советском Союзе. Теория, согласно которой все советские люди в одночасье обратились в коммунистическую веру, означала, что открытые враги стали скрытыми, принудительная дисциплина перестала быть действенной, а каверинская трактовка «обратной стороны сердца» (согласно которой друг и враг – братья-близнецы) оказалась правильной. Дом правительства находился в осаде в Советском Союзе, а старые большевики – в Доме правительства. Пока Володя Иванов и Лева Федотов работали над собой, курицы и петухи делали свое дело (темпами, о каких строители вечных домов не могли и мечтать). Святые правила болотом.

Вторая причина – внешняя. Советский Союз всегда был осажденной крепостью, но к тому времени, как XVII съезд провозгласил победу, продуктивная метафора стала геополитической реальностью. На востоке Япония оккупировала Манчжурию и приблизилась к границам СССР. На западе родина марксизма (и традиционный антипод и отчасти учитель всего русского) попала в плен к враждебной миллениаристской секте. Фашизм, который большевики считали звериным оскалом капитализма, был проявлением племенной обиды ветхозаветного типа. Падшие народы Европы восстали против Вавилона в попытке восстановить утраченное достоинство. Разные партии действовали с разной степенью решительности, но только в Германии революционное движение достигло апокалиптических масштабов, захватило власть в государстве, провозгласило третий и последний Рейх и принялось исполнять собственное пророчество. Евреи Европы стали для германского фюрера тем же, чем Идумея и «рослые Савейцы» были для древних Иудеев, а белые люди – для «израильтян» Еноха Мгиджимы и раса Тафари. Выступая в Рейхстаге 30 января 1939 года, Гитлер сказал: «Если международному финансовому еврейству удастся, в Европе и за ее пределами, ввергнуть человечество в еще одну миро-

³⁸ Там же, с. 165–166.

³⁹ 2 Пет. 3:8–9, 17.

вую войну, следствием будет не большевизация человечества и победа еврейства, а истребление еврейской расы в Европе»⁴⁰.

Подобно большевикам (и в отличие от большинства других миллениаристов), Гитлер был в состоянии исполнить свое пророчество. Подобно большевикам (и большинству других миллениаристов), он восстал против тайных источников несправедливой власти. Враг был один и тот же, но большевики считали его классом, а нацисты – племенем. И те и другие считали главного конкурента орудием Вавилона. Оба следовали за Марксом, но Гитлер этого не знал, а большевики не знали этого о Гитлере и редко читали введение к «Критике гегелевской философии права» и статью о «Еврейском вопросе». Последний и решительный бой (*Endkampf*) должен был выяснить, кто зверь, а кто топчет точило вина ярости и гнева. Чтобы одержать победу, нужно было осушить болото.

24. Признание вины

Поиск убийц Кирова начался на самом верху и сосредоточился на падших ангелах. Специальное постановление ЦИК и СНК от 1 декабря предписывало ограничить следствие десятью днями, вручать обвинительные заключения за сутки до рассмотрения, слушать дела без участия сторон, не допускать обжалований и помилований и расстреливать осужденных немедленно по вынесении приговора. По воспоминаниям Н. И. Ежова, Сталин вызвал его и главу Комсомола Косарева и сказал: «Ищите убийц среди зиновьевцев». 16 декабря Зиновьев и Каменев были арестованы. 29 декабря убийца Кирова Леонид Николаев и еще тринадцать человек были расстреляны. 16 января семьдесят пять бывших оппозиционеров в Ленинграде и шестнадцать в Москве (в том числе Каменев и Зиновьев) были приговорены к различным срокам заключения. Один из руководителей следствия, Г. С. Люшков, три года спустя бежал в Японию и заявил, что «все эти мнимые заговоры никогда не существовали и все они были преднамеренно сфабрикованы. Николаев, безусловно, не принадлежал к группе Зиновьева. Он был ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы войти в историю героем. Это явствует из его дневника».

Каменев и Зиновьев сначала отрицали свою вину, но потом поняли, что дело не в конкретных поступках. «Здесь не юридический процесс, – сказал на суде Каменев, – а процесс политический». Вернее, душеспасительный. После окончания следствия Зиновьев написал письмо следователям (которыми руководил Яков Агранов)⁴¹.

Тов. Агранов указал мне на то, что дававшиеся мною до сих пор показания не производят на следствие впечатления полного и чистосердечного раскаяния и не говорят всего того, что было.

Сроки следствия приближаются к самому концу.

Данные мне очные ставки тоже, конечно, производят на меня свое действие. Надо и надо мне сказать следствию все до конца.

Верно, что то, что я говорил в предыдущих показаниях, содержит больше о том, что я мог бы сказать в свою защиту, чем о том, что я должен сказать для полного обличения своей вины. Многое я действительно запомнил,

⁴⁰ Max Domarus, ed., *Hitler: Speeches and Proclamations, 1932–1945*, vol. 3: 1939–1940 (Würzburg: Domarus verlag, 1997), с. 1449. Ср. Max Domarus, *Hitler. Reden und Proklamationen, 1932–1945*, vol. 2: 1939–1945 (Würzburg: Domarus Verlag, 1963), с. 1057–1058. David Regles, *Hitler's Millennial Reich* (New York: NYU Press, 2005), с. 166 и др. О большевистском государстве как осажденной крепости см.: Sarah Davies, James Harris, *Stalin's World: Dictating the Soviet Order* (New Haven: Yale University Press, 2014), с. 59–130; James Harris, *The Great Fear: Stalin's Terror of the 1930s* (Oxford: Oxford University Press, 2016).

⁴¹ «Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1934 г.», <http://stalin.memo.ru/images/1934.htm>; Matthew E. Lenoe, *The Kirov Murder and Soviet History* (New Haven: Yale University Press, 2010), с. 251–388 и др.; Хлевнюк, *Хозяин*, с. 232–234; А. Яковлев, ред., *Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов* (М.: Изд-во политической литературы, 1991), с. 123–170 (цитата Ежова на с. 153), 183 (цитата Люшкова).

но многого не хотелось додумать до конца, а тем более сказать следствию до самого конца.

Между тем я хочу разоружиться полностью.

Вопрос заключался не в том, кто виновен в убийстве Кирова, а в том, что лежит по другую сторону сердца Зиновьева.

Я был искренен в своей речи на XVII съезде и считал, что только в способе выражений я «приспосаблиюсь» к большинству. А на деле во мне продолжали жить две души.

В центральной группе б. «зиновьевцев» были и более сильные характеры, чем я. Но вся беда в том, что все наше положение, раз мы не сумели по-настоящему подчиниться партии, слиться с ней до конца, проникнуться к Сталину теми чувствами полного признания, которыми прониклась вся партия и вся страна, раз мы продолжали смотреть назад, жить своей особой «душной жизнью», – все наше положение обрекало нас на политическую двойственность, из которой рождается двурушничество.

Полному разоружению мешал страх – страх «перед историей» и страх «попасть в положение человека, который чуть ли не разжигал терроризм по отношению к вождям партии и советской власти». К концу следствия стало ясно, что единственное средство положить конец терроризму – признаться в его разжигании. «Пусть на моем тяжелом примере учатся другие, пусть видят, что значит сбиться с партийной дороги и куда это может привести»⁴².

Он был приговорен к десяти годам в Верхнеуральском политизоляторе (Татьяна Мягкова прибыла туда годом ранее). «Чем сильнее становится СССР и чем безнадежнее положение врагов, – говорилось в секретном письме ЦК партийным организациям, – тем скорее могут скатиться враги – именно ввиду их безнадежного положения – в болото террора». Зиновьевцы оказались, «по сути дела, замаскированной формой белогвардейской организации, вполне заслуживающей того, чтобы с ее членами обращались как с белогвардейцами». На очереди были другие оппозиционеры. «Нужно, чтобы члены партии были знакомы не только с тем, как партия боролась и преодолевала кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов, но и с тем, как партия боролась и преодолевала троцкистов, «демократических централистов», «рабочую оппозицию», зиновьевцев, правых уклонистов, право-левацких уродов и т. п.»⁴³.

В 1935 году было арестовано 3447 бывших оппозиционеров, а в 1936-м – 23 279. Проверка партийных документов в мае – декабре 1935 года привела к исключению 250 тысяч членов партии и аресту 15 тысяч. Следствие по делу о распространении слухов среди персонала Кремля кончилось разоблачением террористической организации. Два человека были приговорены к расстрелу, 108 – к различным срокам заключения. Секретарь ЦИК и администратор кремлевских привилегий Авель Енукидзе был исключен из партии за «политическое и бытовое разложение»⁴⁴.

Разложение и предательство в партийных рядах ассоциировалось с наличием социальных групп, заинтересованных во внутреннем расколе и иностранном вмешательстве. В феврале – марте 1935 года «остатки разгромленной буржуазии» в составе 11 072 человек (4833 глав семей и 6239 членов семей) были высланы из Ленинграда (в основном в «спецпоселения» на севере страны). Летом и осенью советские города были «очищены» от 122 726 «уголовных

⁴² Яковлев, ред., *Реабилитация*, с. 159–164.

⁴³ Там же, с. 191–195.

⁴⁴ В. Хаустов, Л. Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.* (М.: РОССПЭН, 2010), с. 87, 93; Хлевнюк, *Хозяин*, с. 235–236, 252–256; Lenoe, *The Kirov Murder*, с. 454–455; J. Arch Getty, Oleg V. Naumov, *The Road to Terror: Stalin and the Self-destruction of the Bolsheviks, 1932–1939* (New Haven: Yale University Press, 1999), с. 140–218; *Документы по «Кремлевскому делу»*, http://perpetrator2004.narod.ru/Kremlin_Affair.htm

и деклассированных элементов» и 160 тысяч «беспризорных и безнадзорных детей». Около 62 тысяч детей были помещены в «детоприемники» НКВД, около 10 тысяч переведены в систему уголовного правосудия. Постановление ЦИК и СНК от 20 апреля 1935 года распространило применение смертной казни на несовершеннолетних старше двенадцати лет⁴⁵.

Чистки и аресты проводились на основании «учетных списков» НКВД, в которых значились бывшие члены эксплуататорских классов, политических партий и партийных оппозиций, а также бывшие кулаки, исключенные члены партии и лица, замеченные в ведении «контрреволюционных разговоров» и «дискредитации руководства партии»⁴⁶.

Особое место в списках занимали лица, связанные с иностранными государствами. Убийство Кирова совпало с ростом напряженности в отношениях с Японией и Германией. Зимой и весной 1935 года приграничные районы Украины, Карелии и Ленинградской области были «очищены» от немцев, поляков, финнов, латышей и эстонцев. Из Азербайджана и «национальных республик» Северного Кавказа были высланы кулаки и «антисоветские элементы». По мере того как кольцо окружения сужалось, а учетные списки росли, все больше людей, так или иначе связанных с враждебными государствами, становились потенциальными шпионами. Вскоре все соседние государства стали враждебными, а потенциальные шпионы – реальными. Опыт Гражданской войны в Испании добавил новый повод для поиска внутренних врагов и новый термин для их обозначения. Значительная часть населения СССР превратилась в «пятую колонну» вражеской армии. В 1935–1936 году 9965 человек было арестовано по обвинению в шпионаже (3528 в пользу Польши, 2275 в пользу Японии и 1322 в пользу Германии). Как сказал в подобной ситуации Робеспьер: «Разве не очевидно, что смертельная схватка между свободой и тиранией неделима? Разве внутренние враги не являются союзниками внешних?»⁴⁷

В начале 1936 года Ежов – по приказу Сталина и при содействии Агранова – разоблачил преступную связь между зиновьевцами и троцкистами. Оставшиеся на свободе зиновьевцы и 508 троцкистов были арестованы, расстреляны, отправлены в лагеря или использованы для создания новых дел. «Исключительно тяжелая работа в течение трех недель над Дрейцером и Пикелем, – писал Ежову следователь А. П. Радзивиловский, – привела к тому, что они начали давать показания». Е. А. Дрейцер в прошлом был троцкистом, Р. В. Пикель – зиновьевцем. «Тяжелая работа» заключалась в угрозах, лишении сна и обращениям к партийной совести. «После вашего последнего допроса 25.I., – писал бывший троцкист В. П. Ольберг, – меня охватил отчего-то ужасный, мучительный страх смерти. Сегодня я уже несколько спокойнее. Я, кажется, могу оговорить себя и сделать все, лишь бы положить конец мукам»⁴⁸.

Зиновьева привезли для новых допросов. 14 апреля 1936 года он написал письмо Сталину:

При всех обстоятельствах мне осталось жить во всяком случае очень недолго: вершок жизни какой-нибудь, не больше.

Одного я должен добиться теперь: чтобы об этом последнем вершке сказали, что я осознал весь ужас случившегося, раскаялся до конца, сказал советской власти абсолютно все, что знал, порвал со всем и со всеми, кто был

⁴⁵ Хлевнюк, *Хозяин*, с. 236–239, 302; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 62–69, 80–83; Лепое, *The Kirov Murder*, с. 455–457; В. Хаустов и др., сост., *Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД, январь 1922 – декабрь 1936* (М.: Демократия, 2003), с. 613–616, 654–657, 670–671.

⁴⁶ Тепляков, *Машина террора*, с. 206–227; Хлевнюк, *Хозяин*, с. 302; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 80–83.

⁴⁷ Хлевнюк, *Хозяин*, с. 291–298, 240–241; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 26–56; М. Робеспьер, «О принципах политической морали». Перевод автора.

⁴⁸ Яковлев, ред., *Реабилитация*, с. 171–184; А. Орлов, *Тайная история сталинских преступлений* (М.: Всемирное слово, 1991), с. 94–98.

против партии, и готов был все, все, все сделать, чтобы доказать свою искренность.

В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение...⁴⁹

В секретном письме от 29 июля 1936 года ЦК сообщил партийным комитетам, что «троцкистско-зиновьевский контрреволюционный центр и его вожди Троцкий, Зиновьев и Каменев окончательно скатились в болото белогвардейщины, слились с самыми отъявленными и озлобленными врагами Советской власти» и «не только превратились в организующую силу последышей разгромленных классов в СССР, но... стали еще головным отрядом контрреволюционной буржуазии за пределами Союза, выразителями ее воли и чаяний». В сложившихся условиях «неотъемлемым качеством каждого большевика... должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован»⁵⁰.

Процесс состоялся три недели спустя. Все шестнадцать подзащитных, в том числе Зиновьев, Каменев, Дрейцер, Пикель и Ольберг, признали свою вину и были приговорены к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на следующий день. Троцкий и его сын Лев Седов были осуждены *in absentia*. Радек писал в «Известиях»:

Спекулируя на остатках старого большевистского доверия к ним, лжепокаявшимся, рассчитывавшим на благородство партии, они построили систему лжи и обмана, систему двурушничества, какой не знает история человечества... Они стали фашистами, и они работали на польский, германский, японский фашизм. Вот историческая правда. И она была бы исторической правдой, даже если бы не было никаких доказательств их связи с фашистскими разведками⁵¹.

Вскоре после процесса по обвинениям в связи с троцкистско-зиновьевским центром было расстреляно еще 160 человек. Несколько тысяч бывших оппозиционеров было арестовано. 26 сентября 1936 года Ежов стал народным комиссаром внутренних дел. Спустя три дня Политбюро утвердило проект о необходимости «расправы» с ранее арестованными «троцкистско-зиновьевскими мерзавцами». 4 октября Политбюро (в составе Кагановича, Молотова, Постышева, Андреева и Ворошилова) приняло «предложение т.т. Ежова и Вышинского о мерах судебной расправы с активными участниками троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации по первому списку в количестве 585 человек» (то есть без рассмотрения персональных дел). Новые аресты вели к новым признаниям, которые вели к новым арестам. Некоторые из бывших оппозиционеров работали директорами предприятий; за их арестами последовали аресты директоров, которые никогда не были оппозиционерами»⁵².

⁴⁹ Яковлев, ред., *Реабилитация*, с. 184.

⁵⁰ Там же, с. 196–210.

⁵¹ *Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра* (М.: Народный комиссариат юстиции, 1936); К. Радек, «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда», *Известия* (1936, 21 августа).

⁵² Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 91–99; Getty, Naumov, *The Road to Terror*, с. 255–282; «Сталинские списки», <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm>

* * *

Бухарин на встрече с ударниками во время альпинистского похода на Эльбрус

На августовском процессе Каменев и Зиновьев назвали Радека и бывших правых (Бухарина, Рыкова и Томского) в числе участников заговора. Томский застрелился у себя на даче в Болшеве 22 августа. Бухарин, который охотился и писал пейзажи на Памире, спустился с гор и отправил Сталину телеграмму: «Только что прочитал клеветнические показания мерзавцев. Возмущен глубины души. Вылетаю Ташкента самолетом 25 утром». Анна Ларина, недавно родившая сына, встретила его в аэропорту. «Н. И. сидел на скамейке, забившись в угол. Вид у него был растерянный и болезненный. Он хотел, чтобы я его встретила, опасаясь, что арест произойдет в московском аэропорту». Два дня спустя он отправил в Политбюро длинное письмо, в котором доказывал свою невиновность и обсуждал возможные мотивы своих обвинителей. Письмо кончалось мольбой:

Я сейчас потрясен до самого основания трагической нелепостью положения, когда, при искреннейшей преданности партии, пробыв в ней тридцать лет, пережив столько дел (ведь кое-что я делал и положительное), меня вот-вот зачислят (и уж зачисляют) в ряды врагов – да каких! Перестать жить биологически – стало теперь недопустимым политически. Жизнь при политической смерти не есть жизнь. Создается безысходный тупик, если только сам ЦК не снимет с меня бесчестья. Я знаю, как теперь стало трудно верить, после всей зловонной и кровавой бездны, которая вскрылась на процессе, где люди были уже не-люди. Но и здесь есть своя мера вещей: не все люди из бывших оппозиционеров двурушники.

Пишу вам, товарищи, пока есть еще капля душевных сил. Не переходите грани в недоверии! И – прошу – не затягивайте дела подследственного Николая Бухарина: и так мне сейчас жить – тяжкая смертельная мука, – я не могу

переносить, когда даже в дороге меня бояться – и, главное, без вины с моей стороны.

Что мерзавцев расстреляли – отлично: воздух сразу очистился. Процесс будет иметь огромное международное значение. Это – осиноый кол, самый настоящий, в могилу кровавого индюка, налитого спесью, которая привела его в фашистскую охранку. У нас даже мало оценивают, мне сдается, это международное значение. Вообще жить хорошо, но не в моем положении. В 1928–29 преступно наглупил, не учитывая всех последствий своих ошибок, и вот даже теперь приходится расплачиваться такой ужасной ценой.

Привет всем вам. Помните, что есть и люди, которые искренне ушли от прошлых грехов и которые, что бы ни случилось, всей душой и всем сердцем (пока оно бьется) будут с вами⁵³.

Тридцать первого августа он написал отдельное письмо Ворошилову, в котором, обращаясь к Полюбуру и партии, спрашивал, неужели они думают, что он говорил о Кирове неискренне.

Поставьте честно вопрос. Если неискренне, то меня нужно немедленно арестовать и уничтожить: ибо таких негодяев нельзя терпеть.

Если вы думаете «неискренне», а сами меня оставляете на свободе, то вы сами *трусы*, не заслуживающие уважения.

А если вы сами не верите в то, что набрехал циник-убийца Каменев, омерзительнейший из людей, падаль человеческая, то зачем же вы допускаете резолюции, где (Киевская, напр.) говорится о том, что я «знал» черт знает о чем?

Где тогда смысл следствия, рев. законность и прочее?⁵⁴

Смысл следствия и революционной законности заключался в том, чтобы установить, искренен ли он. Единственным доказательством его искренности служили его собственные утверждения. Как Томский сказал на XVI съезде партии в 1930 году, у кающихся грешников нет ничего, кроме слов, а слова, по мнению съезда, – вздор, тлен, сотрясение воздуха. «Кайся, кайся без конца и только кайся». Согласно извещению ЦК, Томский покончил с собой, «запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами». Бухарин не хотел кончать с собой. Его стратегия состояла в генерировании слов – слов, обращенных к партийному руководству в целом и некоторым руководителям в отдельности. Вторая часть письма адресована лично Ворошилову.

Хорошо было третьего дня лететь над облаками: 8° мороза, алмазная чистота, дыхание спокойного величия.

Я, б. м., написал тебе какую-то нескладницу. Ты не сердись. Может, в такую конъюнктуру тебе неприятно получить от меня письмо – бог знает: все возможно.

Но «на всякий случай» я тебя (который всегда так хорошо ко мне относился) заверяю: твоя совесть должна быть внутренне совершенно спокойна; за твое отношение я тебя не подводил: я действительно ни в чем не виновен, и рано или поздно это обнаружится, как бы ни старались загрязнить мое имя...

Советую когда-либо прочесть драмы из французской рев[олю]ции Ром. Роллана.

⁵³ «Письма Бухарина», *perpetrator2004.narod.ru/.../Bukharin_Letters.doc*; Ларина, *Незабываемое*, с. 294.

⁵⁴ «Письма Бухарина».

Извини за сумбурное письмо: у меня тысячи мыслей, скачут как бешеные лошади, а поводьев крепких нет.

Обнимаю, ибо чист,

Ник. Бухарин

31. VIII.36⁵⁵

Ответ пришел через три дня.

т. Бухарину

Возвращаю твое письмо, в котором ты позволил себе гнусные выпады в отношении парт. руководства. Если ты твоим письмом хотел убедить меня в твоей полной невинности, то убедил пока в одном: впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу, а если ты письменно не откажешься от мерзких эпитетов по адресу партийного руководства, буду считать тебя и негодеем.

К. Ворошилов

3. IX.36 г.

Бухарин ответил в тот же день.

Тов. Ворошилову

Получил твое *ужасное* письмо.

Мое письмо кончалось: «обнимаю».

Твое письмо кончается: «негодяем».

После этого что же писать?

Но я хотел бы устранить одно политическое недоразумение.

Я писал письмо *личного* характера (о чем теперь очень сожалею).

В тяжком душевном состоянии; затравленный, я писал просто к человеку большому; я сходил с ума по поводу одной только мысли, что может случиться, что кто-то поверит в мою виновность⁵⁶.

Бухарин совершил ту же ошибку, которую совершил Осинский, когда в январе 1928 года попытался отделить Сталина вождя от Сталина человека. Руководство партией не та работа, с которой возвращаются домой.

Через несколько дней Бухарина вызвали в ЦК на очную ставку с его другом детства (и отцом главного соперника за руку Анны Лариной) Григорием Сокольниковым. Сокольников после ареста начал давать показания о связях правых с Каменевым и Зиновьевым. Каганович, который присутствовал на очной ставке, писал в Сочи Сталину: «Бухарин после ухода Сокольникова пустил слезу и все просил ему верить. У меня осталось впечатление, что, может быть, они и не поддерживали прямой организационной связи с троцкистско-зиновьевским блоком, но в 32–33, а может быть, и в последующих годах они были осведомлены о троцкистских делах... Во всяком случае, правую подпольную организацию надо искать, она есть. Я думаю, что роль Рыкова, Бухарина и Томского еще выявится»⁵⁷.

Вскоре прокуратура объявила, что не располагает достаточными доказательствами для возбуждения дела против Рыкова и Бухарина. Следствие по делу Радека продолжалось. По воспоминаниям Лариной, Радек позвонил Бухарину и попросил о встрече (они были соседями по даче). Бухарин ответил отказом, но Радек пришел, заверил Бухарина в своей невинности и попросил написать Сталину. «Перед уходом Радек вновь повторил: «Николай! Верь мне – верь, что бы со мной ни случилось, я ни в чем не виновен!» Карл Бернгардович говорил

⁵⁵ *Правда*, (1936, 23 августа).

⁵⁶ «Письма Бухарина».

⁵⁷ Сойма, *Запрещенный Сталин*, с. 186.

взволнованно, подошел ближе к Н. И., простился, поцеловал его в лоб и вышел из комнаты». Через несколько дней Бухарин написал Сталину:

Ко мне прибежала жена Радека и сообщила, что он арестован.

Умоляю и от себя, и от него только об одном, чтобы дело прошло через твои руки. Просила сказать, что Радек готов отдать последнюю каплю крови за нашу страну.

Я тоже ошеломлен этим неожиданным событием и – несмотря на всяческое «но», на излишнюю доверчивость к людям, на ошибки в этом отношении – считаю себя просто обязанным партийной совестью сказать, что *мои* впечатления от Радека (по большим вопросам, а не пустяковым) только положительны. Может, я ошибаюсь. Но все внутренние голоса моей души говорят, что я обязан тебе об этом написать. Какое страшное дело!⁵⁸

Поручителями за искренность Радека были внутренние голоса души Бухарина. Поручителем за искренность Бухарина был Сталин, которого Бухарин считал старым другом по прозвищу Коба и одновременно «персональным воплощением ума и воли партии». «Только ты можешь меня вылечить, – писал он 24 сентября. – Я не просил о приеме до конца следствия, так как считал, что это политически тебе неудобно. Но теперь я еще раз просто всем существом прошу тебя об этом. Не откажи. Допроси меня, выверни всю шкуру, но поставь такую точку над *i*, чтоб никто никогда не смел меня лягать и отравлять жизнь, загоняя на Канатчикову дачу»⁵⁹.

Двуединство Сталин/Коба строилось по образцу пар Ленин/Ульянов и Ленин/Ильич, в создании которых участвовал Бухарин. По версии Кольцова, Ульянов, «который берег окружающих, был с ними заботлив, как отец, ласков, как брат, прост и весел, как друг», был неотделим от Ленина, «принесшего неслыханные беспокойства земному шару» и «возглавившего собой самый страшный, самый потрясающий кровавый бой против угнетения, темноты, отсталости и суеверия». Со временем Ильич сменил Ульянова, но доктрина не изменилась. И «Ленин», и «Ильич» широко использовались в названиях улиц, городов и колхозов. Как писал Кольцов: «Два лица – и один человек. Но не двойственность, а синтез».

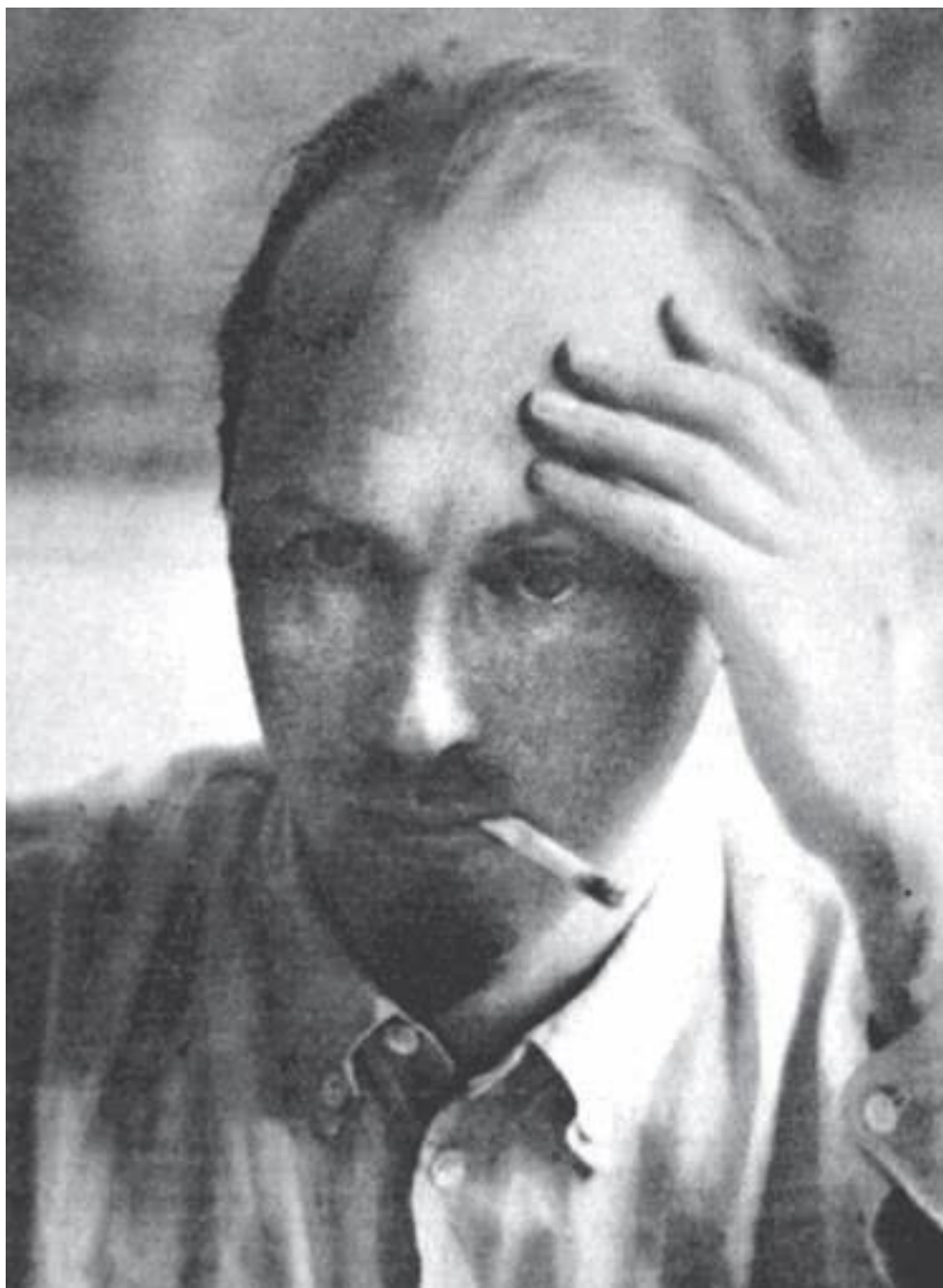
Основатель большевизма был Моисеем, равноудаленным от Бога (Истории) и людей. Его преемник стоял ближе к Истории, потому что История подошла ближе к завершению. После провозглашения победы на XVII съезде партии «зодчий» этой победы (как назвал его Радек) стал неделимым. «Иосиф», «Виссарионович», «Джугашвили» в любых сочетаниях не могли использоваться для наименований, а прозвище «Коба», никогда не фигурировавшее как публичный символ, вышло из употребления. После того как оппозиции стали бывшими, а враги скрытыми, отступничество превратилось в неискренность, а двуединный вождь – в «товарища Сталина». Только Бухарин пытался остаться в Истории, апеллируя к старой дружбе. «Дорогой Коба», – писал он 19 октября.

Прости еще раз, что я позволяю себе тебе писать. Я знаю, сколько у тебя дел, и что ты, и кто ты. Но, ей-богу, ведь я только тебе могу написать, как родному человеку, к которому можно прибегнуть, зная, что не получишь пинка в зубы. Не думай, ради всего святого, что я хочу фамильярничать. Я, вероятно, больше других понимаю твое значение. Но я пишу тебе, как когда-то Ильичу, как настоящему родному, которого даже во сне вижу, как когда-то Ильича. Это странно, быть может, но это вот так... Если бы ты обладал

⁵⁸ Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 93; Ларина, *Незабываемое*, с. 305, 310–311; «У меня одна надежда на тебя», *Исторический архив* (2001, № 3), с. 69.

⁵⁹ «У меня одна надежда на тебя», с. 70.

каким-нибудь инструментом, чтоб видеть, что творится в моей больной голове...⁶⁰

Николай Бухарин

Четвертого декабря 1936 года Бухарина и Рыкова вызвали на пленум ЦК, частично посвященный их делу (другая часть отводилась обсуждению новой конституции). Ежов прочитал доклад об участии бывших правых в террористической деятельности. Бухарин настаивал на своей невиновности, опровергая конкретные обвинения и обращаясь к ЦК с просьбой о доверии. Сталин объяснил всю сложность положения: «Бухарин совершенно не понял, что тут происходит. Не понял. И не понимает, в каком положении он оказался и для чего на пленуме поставили вопрос. Не понимает этого совершенно. Он бьет на искренность, требует

⁶⁰ Там же, с. 71–72.

доверия. Ну хорошо, поговорим об искренности и о доверии». Каменев и Зиновьев, продолжал он, говорили об искренности, а потом обманули доверие партии. Другие бывшие оппозиционеры говорили об искренности, а потом обманули доверие партии. Недавно арестованный первый заместитель народного комиссара тяжелой промышленности Георгий Пятаков предложил в качестве доказательства своей искренности лично расстрелять осужденных террористов, включая собственную жену, а потом обманул доверие партии.

Вы видите, какая адская штука получается. Верь после этого в искренность бывших оппозиционеров! Нельзя верить на слово бывшим оппозиционерам даже тогда, когда они берутся собственноручно расстрелять своих друзей.

...Вот, т. Бухарин, что получается. (*Бухарин*. Но я ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра ничего не могу признать. *Шум в зале*.) Я ничего не говорю лично о тебе. Может быть, ты прав, может быть – нет. Но нельзя здесь выступать и говорить, что у вас нет доверия, нет веры в мою, Бухарина, искренность. Это ведь все старо. И события последних двух лет это с очевидностью показали, потому что доказано на деле, что искренность – это относительное понятие⁶¹.

Томский был прав: слова ничего не значили. Но Томский сделал неправильный вывод: самоубийство, продолжал Сталин, – это «средство бывших оппозиционеров, врагов партии сбить партию, сорвать ее бдительность, последний раз перед смертью обмануть ее путем самоубийства и поставить ее в дурацкое положение». Самоубийство – доказательство неискренности. «Я бы вам посоветовал, т. Бухарин, подумать, почему Томский пошел на самоубийство и оставил письмо – «чист». А ведь тебе видно, что он далеко был не чист. Собственно говоря, если я чист, я – мужчина, человек, а не тряпка, я уж не говорю, что я – коммунист, то я буду на весь свет кричать, что я прав»⁶².

Бухарин кричал, но слова ничего не значили. И факты тоже. Попытки Бухарина и Рыкова указать на нелепость обвинений отвергались как не имеющие отношения к делу. Вопрос заключался не в том, совершили ли они определенные поступки, а в том, что они предали партию в прошлом, а значит, могли сделать это снова. А раз могли, значит – предали. И чем больше Бухарин кричал, тем больше путался. В чем заключалась главная задача накануне последней войны? В том, признал он в своей речи на пленуме, чтобы «все члены партии снизу доверху преисполнились бдительностью и помогли соответствующим органам до конца истребить всю ту сволочь, которая занимается вредительскими актами и всем прочим». А кто эта сволочь? Девять категорий, подлежащих «концентрированному насилию», плюс бывшие оппозиционеры, которые оказались сволочью. Можно ли доверять Каменеву и Зиновьеву? Нет, нельзя (после их расстрела «воздух сразу очистился»). Можно ли доверять Бухарину?⁶³

Ответ на этот вопрос был жизненно важен для Бухарина и, возможно, интересен Кобе, но несущественен для Истории и товарища Сталина. «В истории бывают случаи, – писал Бухарин Ворошилову, – когда замечательные люди и превосходные политики делают тоже роковые ошибки «частного порядка»: я вот и буду математическим коэффициентом вашей частной ошибки. *Sub specie historiae* (под углом зрения истории) это – мелочь, литературный материал». Общий принцип разделялся всеми; частный случай Бухарина подлежал рассмотрению. Пленум постановил «принять предложение т. Сталина: считать вопрос о Рыкове и Бухарине неза-

⁶¹ «Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 года», *Вопросы истории*, (1995, № 1), с. 2–9.

⁶² Там же, с. 10.

⁶³ Роговин, 1937, <http://trst.narod.ru/rogovin/t4/xiv.htm>

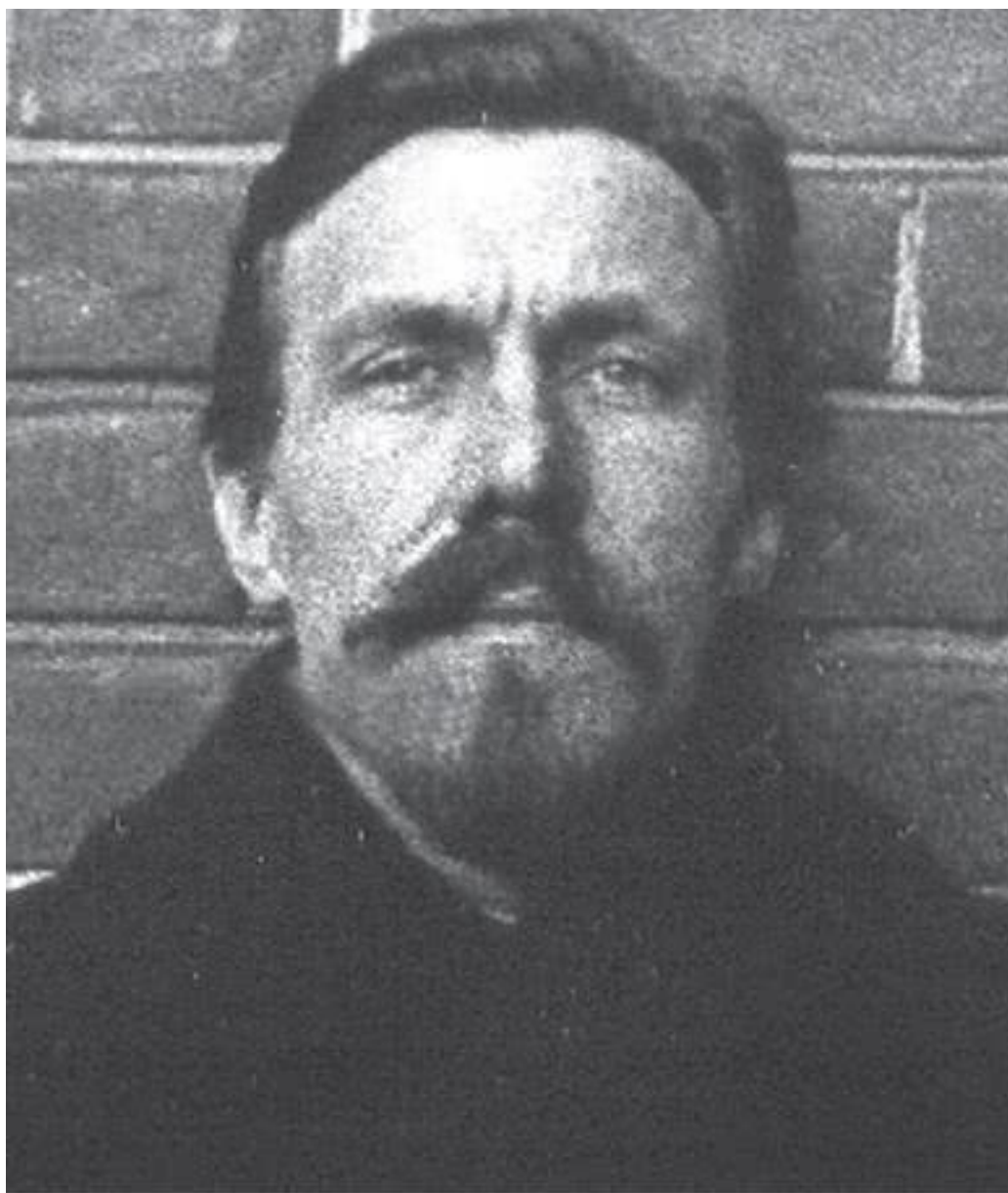
конченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до следующего пленума ЦК»⁶⁴.

* * *

Рыковы – Алексей Иванович, его жена Нина Семеновна Маршак, их двадцатилетняя дочь Наталья, которая преподавала литературу в Высшей школе пограничников, и их многолетняя сожительница Гликерия Флегонтовна Родюкова (она же Луша, родом из Нарыма, где Рыковы жили в ссылке, когда родилась Наталья) – получили распоряжение переехать из Кремля в Дом правительства. Они въехали в квартиру 18, пустовавшую со времени ареста Радека (Радек и Гронский незадолго до того поменялись: Гронский переехал на одиннадцатый этаж, а Радек, которому не нужно было столько места, – на десятый, рядом с Куусиненом). Прошло ровно десять лет с тех пор, как председатель Совнаркома Рыков образовал Комиссию по постройке Дома ЦИК и СНК и назначил Бориса Иофана главным архитектором. По воспоминаниям Натальи, единственными людьми, которые навещали их в Доме правительства, были сестра Нины Семеновны и одна из племянниц Рыкова. Почти полная изоляция, писала она, «нравственно надорвала Рыкова»⁶⁵.

⁶⁴ «Письма Бухарина». См. также: Getty, Naumov, *The Road to Terror*, с. 300–330. О большевистской «субъективности» и о ритуалах «признания вины», см. особ.: J. Arch Getty, «Samokritika Rituals in the Stalinist Central Committee, 1933–1938», *The Russian Review* (January, 1999), с. 49–70; Igal Halfin, *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial* (Cambridge: Harvard University Press, 2003); Jochen Hellbeck, *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin* (Cambridge: Harvard University Press, 2006); Nanci Adler, *Keeping Faith with the Party: Communist Believers Return from the Gulag* (Bloomington: Indiana University Press, 2012).

⁶⁵ Д. Шелестов, *Время Алексея Рыкова* (М.: Прогресс, 1990), с. 286–287; интервью автора с Н. А. Перли-Рыковой (12 февраля 1998 г.); Гронская, *Наброски по памяти*, с. 77.

Алексей Рыков и Нина Маршак

Он замкнулся в себе, был молчалив, почти не ел, молча ходил из угла в угол, напряженно думая. Иногда, так же напряженно думая, часами лежал. Как это ни странно, курил он в эти дни меньше, чем обычно. Видно, забывал даже и об этой давней своей привычке... За это время он очень постарел, волосы поредели, постоянно были как-то всклокочены, лицо осунувшееся, с синевато-бледными кругами под глазами. Видимо, он не спал. Он не разговаривал. Только думал и думал...⁶⁶

Бухарин, Анна Ларина, их сын Юрий, отец Бухарина Иван Гаврилович и с трудом передвигавшаяся первая жена Бухарина Надежда Михайловна Лукина продолжали жить в бывшей квартире Сталина в Кремле (они поменялись по просьбе Сталина после самоубийства его жены). По воспоминаниям Лариной:

⁶⁶ Шелестов, *Время Алексея Рыкова*, с. 287.

Обстановка нашей комнаты была более чем скромной: две кровати, между ними тумбочка, дряхлая кушетка с грязной обивкой, сквозь дыры которой торчали пружины, маленький столик. На стенке висела тарелка темно-серого репродуктора. Для Н. И. эта комната удобна была тем, что в ней были раковина и кран с водой; здесь же дверь в небольшой туалет. Так что Н. И. обосновался в той комнате прочно, почти не выходя из нее...

Н. И. изолировался даже в семье. Он не хотел, чтобы заходил к нему в комнату отец, видел его страдания. «Уходи, уходи, папищик!» – слышался слабый голос Н. И. Однажды буквально приползла Надежда Михайловна, чтобы ознакомиться с вновь поступившими показаниями, а потом с моей помощью еле добралась до своей постели.

Н. И. похудел, постарел, его рыжая борода поседела (кстати, обязанность парикмахера лежала на мне, за полгода Н. И. мог бы обрасти огромной бородой)⁶⁷.

Пятнадцатого декабря «Правда» опубликовала статью о том, что «троцкистско-зиновьевские шпионы, убийцы, диверсанты и агенты гестапо работали рука об руку с правыми реставраторами капитализма, с их лидерами». Бухарин написал официальную жалобу в Политбюро и личное письмо Сталину⁶⁸.

Что мне теперь делать? Я забился в комнату, не могу видеть людей, никуда не выхожу. Родные – в отчаянье. Я – в отчаянье, ибо почти бессилён бороться с клеветой, которая со всех сторон душит. Я надеялся, что ты все же имеешь на руках то добавочное, что меня хорошо знаешь. Я думал, что ты знаешь меня больше, чем других, и что при всей правильности общей нормы недоверия этот момент войдет в качестве какой-то слагаемой величины в общую оценку⁶⁹.

Сталин написал главному редактору «Правды» Льву Мехлису. «Вопрос о бывших правых (Рыков, Бухарин) отложен до следующего пленума ЦК. Следовательно, надо прекратить ругань по адресу Бухарина (и Рыкова) до решения вопроса. Не требуется большого ума, чтобы понять эту элементарную истину»⁷⁰.

Решением вопроса занимался Ежов. Бывших оппозиционеров арестовывали или приводили из лагерей и заставляли давать показания на Рыкова и Бухарина (а также на себя и других). Как писал М. Н. Рютин: «Мне на каждом допросе угрожают, на меня кричат, как на животное, меня оскорбляют, мне, наконец, не дают даже дать мотивированный отказ от дачи показаний». И как писал Л. А. Шацкий, следователи требуют ложных показаний «в интересах партии». И тот и другой писали Сталину, который воплощал интересы партии. Сталин – в интересах партии (*sub specie historiae*) – руководил кампанией, инструктировал Ежова, редактировал признания и предлагал новые имена и идеи⁷¹.

После трех месяцев допросов, которые вел Борис Берман (брат начальника ГУЛАГа Матвея Бермана и муж сестры средневожского коллективизатора, а ныне первого заместителя начальника управления НКВД по Московской области Бориса Бака), Радек начал давать показания на Бухарина. 13 января 1937 года они встретились на очной ставке в присутствии Ста-

⁶⁷ Ларина, *Незабываемое*, с. 317, 326.

⁶⁸ *Правда* (1936, 15 декабря); «У меня одна надежда на тебя», с. 76–77; «Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь 1936», *Вопросы истории*, (2002, № 4), с. 7–11.

⁶⁹ «Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь 1936», с. 9.

⁷⁰ «У меня одна надежда на тебя», с. 76.

⁷¹ «О партийности лиц, проходивших по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока», *Известия ЦК КПСС*, (1989, № 5), с. 72–75.

лина, Ворошилова, Ежова, Кагановича, Молотова и Орджоникидзе. Радек обвинил Бухарина в участии в террористической деятельности. Бухарин спросил, зачем он лжет. Радек пообещал объяснить.

Должен сказать, что никто меня физически не принуждал к тому, что я должен показать. Никто мне ничем не угрожал раньше, чем я дал показания. Мне тов. Берман сказал: я вам не заявляю, что будете расстреляны, если будете отказываться. Я вам не заявляю, что не будете расстреляны, если дадите показания, которые мы считаем правильными. Кроме того, я довольно взрослый человек, чтобы не верить никаким обещаниям, если человек находится в тюрьме.

Он не пытался спасти свою шкуру, утверждал он, потому что давно с ней распрощался. Самым трудным («товарищи засвидетельствуют») было начать давать показания на Бухарина.

Сначала не ориентировался на общеполитическое значение этой вещи на процессе и т. д., затем сказал себе: всякое отрицание этой вещи на суде послужит только к укреплению, поэтому надо ликвидировать дело, и в первую очередь потому, что идет война. И тогда сказал себе, что никакая дружба не позволяет скрывать, что кроме зиновьевско-троцкистской организации остается еще организация правых.

Показания Радека сочетали нужные признания с объяснениями, зачем они нужны. Некоторые объяснения были предварительными и нуждались в переработке. Сталин вычеркнул вводную часть перед двоеточием и после «укреплению» вписал «террористических организаций»⁷².

Три дня спустя Бухарин спросил у «дорогого Кобы», «не понимается ли каким-нибудь одним – неизвестным – звеном партийный долг так, что меня нужно угробить *a priori*?» Он готов умереть за партию, но не как ее враг. «Я не знаю более чудовищно-трагического положения, чем мое: это – бездонная трагедия, и я изнемогаю. Т. Ежов в простоте душевной говорит: Радек тоже сперва кричал, а потом... и т. д. Но я-то – не Радек, и я-то знаю, что я невиновен. И ничто и никто и никогда не заставит меня сказать «да», когда правда состоит в «нет».

Но что, если партии необходимо, чтобы Бухарин сказал «да»? Скажет ли он «нет»? «Если я вывожусь из ЦК, то нужна политическая мотивировка. В любой ячейке я должен тогда признавать себя виновным в том, в чем я отказывался себя признавать перед вами. Это невозможно. Тогда – вылет из партии. И, таким образом, конец жизни». Единственным спасением было убедить партию, или по крайней мере Кобу, что все это – измышления «мерзавцев». «И когда я смотрел на мутные блудливые глаза Радека, который со слезами лгал на меня, я видел всю эту извращенную достоевщину, глубину низин человеческой подлости, от которой я уже полумертв, тяжело раненый клеветой»⁷³.

Он не отправил письмо Кобе. Вместо этого он написал письмо товарищу Сталину, с копиями другим свидетелям очной ставки, в котором изложил свои соображения в менее исповедальном ключе и с новым заключением: «Я – за партию, за ЦК, за СССР, за победу, что бы ни говорили про меня на основании наветов черных и хитрых людей. Это – не газетная концовка, а глубокое убеждение и сердцевина жизни»⁷⁴.

На процессе «антисоветского троцкистского центра», который открылся 23 января (через неделю после того, как Бухарин отправил свое письмо), Радек рассказал, что у него ушло два

⁷² «Все, что говорит Радек, – это абсолютно злостная клевета...» Очная ставка К. Радека и Н. Бухарина в ЦК ВКП(б) 13 января 1937», *Источник* (2001, № 1), с. 67.

⁷³ «Я их, эти наветы, отвергаю и буду отвергать», *Источник* (2001, № 3), с. 32–37.

⁷⁴ Там же, с. 31–32.

с половиной месяца на то, чтобы во всем разобраться. «Если здесь ставился вопрос, мучили ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу». Раздел о Бухарине был отредактирован в соответствии с предложениями Сталина⁷⁵.

Я знал: положение Бухарина такое же безнадежное, как и мое, потому что вина у нас, если не юридически, то по существу, была та же самая. Но мы с ним – близкие приятели, а интеллектуальная дружба сильнее, чем другие дружбы. Я знал, что Бухарин находится в том же состоянии потрясения, что и я, и я был убежден, что он даст честные показания советской власти. Я поэтому не хотел приводить его связанного в Наркомвнудел. Я так же, как и в отношении остальных наших кадров, хотел, чтобы он мог сложить оружие. Это объясняет, почему только к концу, когда я увидел, что суд на носу, понял, что не могу явиться на суд, скрыв существование другой террористической организации⁷⁶.

Радек получил наконец возможность публично разыграть то, что было отрепетировано на очной ставке: признать свою вину, дать показания на других и объяснить, зачем это нужно. Единственное доказательство обвинения, заявил он в своем последнем слове, – это его показания и показания Пятакова («все прочие показания других обвиняемых, они покоятся на наших показаниях»).

Я признал свою вину и дал полные показания о ней, не исходя из простой потребности раскаяться, – раскаяние может быть внутренним сознанием, которым можно не делиться, никому не показывать, – не из любви вообще к правде, – правда эта очень горька, и я уже сказал, что предпочел бы три раза быть расстрелянным, чем ее признать, – а я должен признать вину, исходя из оценки той общей пользы, которую эта правда должна принести⁷⁷.

Польза заключалась в разъяснении той элементарной истины, что накануне последней войны любое сомнение есть союз с дьяволом. С активными террористами государственная власть справится («в этом мы не имеем, на основе собственного опыта, никакого сомнения»). Главную опасность представляли «полутроцкисты, четвертьтроцкисты и одна восьмая-троцкисты», которые из гордости, легкомыслия или «либерализма» способствовали активным террористам. «Мы находимся в периоде величайшего напряжения, в предвоенном периоде. Всем этим элементам перед лицом суда и перед фактом расплаты мы говорим: кто имеет малейшую трещину по отношению к партии, пусть знает, что завтра он может быть диверсантом, он может быть предателем, если эта трещина не будет старательно заделана откровенностью до конца перед партией»⁷⁸.

Лион Фейхтвангер, присутствовавший на процессе, писал, что никогда не забудет Радека:

Я не забуду ни как он там сидел в своем коричневом пиджаке, ни его безобразное худое лицо, обрамленное каштановой старомодной бородой, ни как он поглядывал в публику, большая часть которой была ему знакома, или на других обвиняемых, часто усмехаясь, очень хладнокровный, зачастую намеренно иронический, ни как он при входе клал тому или другому из обвиняемых на плечо руку легким, нежным жестом, ни как он, выступая, немного позировал, слегка посмеиваясь над остальными обвиняемыми,

⁷⁵ Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра (М.: Юридическое изд-во, 1937), с. 230.

⁷⁶ Там же, с. 231.

⁷⁷ Там же, с. 225.

⁷⁸ Там же, с. 231.

показывая свое превосходство актера, – надменный, скептический, ловкий, литературно образованный. Внезапно оттолкнув Пятакова от микрофона, он встал сам на его место. То он ударял газетой о барьер, то брал стакан чая, бросал в него кружок лимона, помешивал ложечкой и, рассказывая о чудовищных делах, пил чай мелкими глотками. Однако, совершенно не рисуясь, он произнес свое заключительное слово, в котором он объяснил, почему он признался, и это заявление, несмотря на его непринужденность и на прекрасно отделанную формулировку, прозвучало трогательно, как откровение человека, терпящего великое бедствие. Самым страшным и трудно объяснимым был жест, с которым Радек после конца последнего заседания покинул зал суда. Это было под утро, в четыре часа, и все – судьи, обвиняемые, слушатели – сильно устали. Из семнадцати обвиняемых тринадцать – среди них близкие друзья Радека – были приговорены к смерти; Радек и трое других – только к заключению. Судья зачитал приговор, мы все – обвиняемые и присутствующие – выслушали его стоя, не двигаясь, в глубоком молчании. После прочтения приговора судьи немедленно удалились. Показались солдаты; они вначале подошли к четверым, не приговоренным к смерти. Один из солдат положил Радеку руку на плечо, по-видимому предлагая ему следовать за собой. И Радек пошел. Он обернулся, приветственно поднял руку, почти незаметно пожал плечами, кивнул остальным приговоренным к смерти, своим друзьям, и улыбнулся. Да, он улыбнулся⁷⁹.

Радек предлагал себя – а также Бухарина, среди прочих – в качестве козла отпущения, метафоры душевной слабости, воплощения запретной мысли. Он никого не убивал и ни в каких заговорах не участвовал, но в большевизме, как в христианстве и любой идеологии неразделенной веры, нет ничего важнее мысли (души, сердца). «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Взаимозаменяемость мыслей и дел была главной темой диалога Радека с государственным обвинителем А. Я. Вышинским. Вожделение еще более преступно, чем телесное прелюбодеяние. Согрешивший в мыслях виновен в любых действиях, к которым они могут привести. Все преступные действия – следствие греховных мыслей, а значит, преднамеренны.

Вышинский. А вы были за поражение или за победу СССР?

Радек. Все мои действия за эти годы свидетельствуют о том, что я помогал поражению.

Вышинский. Эти ваши действия были сознательными?

Радек. Я в жизни несознательных действий, кроме сна, не делал никогда. (Смех.)⁸⁰

⁷⁹ Фейхтвангер, Москва 1937, гл. 7.

⁸⁰ Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, с. 58.

Карл Радек

Бухарин был не единственным, кто вспомнил «достоевщину». На следующее утро «Правда» опубликовала статью заведующего отделом литературы и искусства И. Лежнева (Исая Альтшулера). Статья называлась «Смердяковы».

Сейчас на скамье подсудимых – выродки фашизма, предатели, изменники родины, вредители, шпионы, диверсанты – самые злые и коварные враги народа. Они предстали перед судом во всей своей омерзительной наготе, и мы увидели новое издание Смердяковых, воплощенный в плоть и кровь отвратительный образ. Смердяковы наших дней вызывают смешанное чувство негодования и гадливости. Это не только идеологи реставрации капитализма, это – моральное обличье фашиствующей буржуазии, продукт ее старческого маразма, сумасшедшего беснования и гниения заживо⁸¹.

⁸¹ *Правда* (1937, 25 января).

Метафора наготы заимствована из статьи Радека о предыдущем показательном процессе. Как сказал Вышинский: «Радек думал, что он писал о Каменеве и Зиновьеве. Маленький просчет! Этот процесс исправит эту ошибку Радека: он писал о самом себе!» Радек был воплощением отвратительного образа, воплощавшего греховную мысль. Он превратился в символ, в Мефистофеля, предавшего себя в попытке предать других. Как сказал на суде Вышинский, «он свободно курил везде и всюду свою трубку, пуская дым в глаза не только своим собеседникам». И как писал в «Правде» Лежнев:

Как, должно быть, хихикал в кулак этот иезуит, этот плюгавенький ханжа с театрально-деланной внешностью а-ля Онегин, когда пускал в ход свою словесную пиротехнику и браво фехтовал на газетной сцене бутафорским картонным мечом!

Гнусная, проституированная душонка, заплеванная и загаженная отбросами империалистических кухонь, пропитанная вонью дипломатических кулис, – эта кокотка мужского пола имела еще наглость поучать советских журналистов и писателей высокой морали и классовой выдержанности. Сколько миллионов фальшивых слов изрек этот субъект, сколько раз изобличал продажных буржуазных журналистов! Сколько фальшивых славословий позволял себе этот предатель – гнуснейший из гнусных – и припадал поцелуем своих растрепанных губ гулящей девки! Не успевали просохнуть на его статьях чернила, как Радек бегал на дипломатические приемы в иностранные посольства и нес там вторую, всамделишную службу у империалистических господ, шушукался, как бы вернее погубить ту самую социалистическую демократию, которую он за час до того восхвалял.

И если – потрясенный всем этим – вы в изумлении останавливаетесь и спрашиваете себя, как возможно такое двуличие, как возможна такая глубина нравственного падения, то Достоевский устами Смердякова отвечает вам:

– Притворяться-с... совсем не трудно опытному человеку⁸².

Притворялся ли Радек на процессе? Многие друзья Фейхтвангера так думали.

И мне тоже, до тех пор, пока я находился в Европе, обвинения, предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. Мне казалось, что истерические признания обвиняемых добываются какими-то таинственными путями. Весь процесс представлялся мне какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством.

Но когда я присутствовал в Москве на втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде, под влиянием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если все это было вымыслено или подстроено, то я не знаю, что тогда значит правда⁸³.

Через два дня после оглашения приговора поэт большевистского подполья, Александр Воронский, был арестован в своей квартире в Доме правительства⁸⁴.

⁸² Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, с. 187; Правда (1937, 25 января).

⁸³ Фейхтвангер, Москва 1937, гл. 7.

⁸⁴ Воронская, «Если в сердце», с. 109.

* * *

Восемнадцатого февраля народный комиссар тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе покончил с собой (официально причиной смерти был объявлен «паралич сердца»). 20 февраля Бухарин известил Политбюро о том, что начал голодовку и будет держать ее вплоть до снятия с него всех обвинений. «Я вам еще раз клянусь последним вздохом Ильича, который умер на моих руках, моей горячей любовью к Серго, всем святым для меня, что все эти терроры, вредительства, блоки с троцкистами и т. д. – по отношению ко мне есть подлая клевета, неслыханная». В тот же день он послал «дорогому Кобе» письмо с просьбой не сердиться и простить его за прошлые ошибки.

Да, так я писал, что за прошлое виноват перед тобой. Но я его многожды искупил. Я тебя сейчас действительно горячо люблю запоздалой любовью. Я знаю, что ты подозрителен и часто бываешь мудр в своей подозрительности. Я знаю также, что события показали, что мера подозрительности должна быть повышена во много раз. Но мне-то каково? Ведь я живой человек, замуравленный заживо и оплеванный со всех сторон.

Желаю тебе здоровья, прежде всего. Ты не стареешь. У тебя железная выдержка. Ты – прирожденный полководец, и тебе придется еще играть роль победоносного водителя наших армий. Это будет время, еще более великое. Желаю тебе, дорогой Коба, побед быстрых и решительных. У Гегеля в одном месте говорится, что филистеры судачат о великих людях по разной ерунде. А даже их страсти часто являются орудиями (в его терминах) Мирового духа. Наполеон был «Мировым духом» на коне. Пусть люди посмотрят на еще более интересные мировые события.

Прими мои приветы, мое рукопожатие, мое «прости». Душой я с вами, с партией, со страной, со всеми милыми товарищами. Мысленно я у гроба Серго, который был чудеснейшим, настоящим человеком⁸⁵.

Последней надеждой Бухарина было примирить «живого человека» с Историей, обращаясь к Мировому духу как к Кобе. По воспоминаниям Лариной, он сидел в своей комнате, «как в западне», отказывался мыться и избегал встреч с отцом. «Птицы – два попугайчика-неразлучника – подошли и валялись в вольере. Посаженный Н. И. плющ завял; чучела птиц и картины, висевшие на стене, покрылись пылью». Пока он писал письмо Кобе или сразу после того, как он его отправил, в квартиру вошли три человека и потребовали, чтобы он выехал из Кремля. Вдруг позвонил Сталин, который жил в соседней квартире.

– Что там у тебя, Николай? – спросил Коба.

– Вот пришли из Кремля выселять, я в Кремле вовсе не заинтересован, прошу только, чтобы было такое помещение, куда вместились бы моя библиотека.

– А ты пошли их к чертовой матери! – сказал Сталин и повесил трубку.

Трое неизвестных стояли около телефона, услышали слова Сталина и разбежались к «чертовой матери»⁸⁶.

Тем временем Рыков, по воспоминаниям его дочери, все «думал и думал».

⁸⁵ *Вопросы истории*, (1992, № 2–3), с. 4–43; «У меня одна надежда на тебя», с. 77–78.

⁸⁶ Ларина, *Незабываемое*, с. 332, 341–342.

Однажды, войдя в общую комнату, я поразилась видом отца. Он сидел у окна, спиной к нему, в какой-то неестественной позе: голова откинута назад, руки переплетены и зажаты переплетенными ногами, по щеке ползет слеза. Он, мне кажется, меня не видел, поглощенный своими мыслями. Я услышала, как он сказал, как-то растянuto, полупшепотом: «Неужели Николай действительно с ними связался». Я словом или движением к нему, не помню, обратила на себя его внимание, он как будто очнулся, встал и, пробормотав что-то бессвязное, ушел в свою комнату. Я понимала, что Николай – это Н. И. Бухарин, а «они» – те, чей процесс недавно прошел⁸⁷.

Двадцать первого февраля Бухарин перестал есть. По воспоминаниям Лариной, через двое суток он почувствовал себя плохо: «побледнел, осунулся, щеки ввалились, огромные синяки под глазами».

Наконец он не выдержал и попросил глоток воды, что было для него моральным потрясением: смертельная голодовка предусматривала отказ не только от пищи, но и от воды – сухая голодовка. Состояние Н. И. меня настолько пугало, что тайком я выжала в воду апельсин, чтобы поддержать его силы. Н. И. взял из моих рук стакан, почувствовал запах апельсина и рассвирепел. В то же мгновение стакан с живительной влагой полетел в угол комнаты и разбился.

– Ты вынуждаешь меня обманывать пленум, я партию обманывать не стану! – злобно крикнул он так, как со мной еще никогда не разговаривал.

Я налила второй стакан воды, уже без сока, но Н. И. и от него решительно отказался:

– Хочу умереть! Дай умереть здесь, возле тебя! – добавил он слабым голосом⁸⁸.

Он написал письмо «будущему поколению руководителей партии», попросил Анну выучить его наизусть и несколько раз ее проэкзаменовал. «Опускаю голову, – писал он, – не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно... Любого члена ЦК, любого члена партии эти «чудодейственные» органы могут стереть в порошок, превратить в предателя-террориста, диверсанта, шпиона. Если бы Сталин усомнился в самом себе, подтверждение последовало бы мгновенно». Но история не ошибается. Рано ли поздно она «сотрет грязь» с его головы. «Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови!»⁸⁹

Вечером 23 февраля Бухарин и Рыков прибыли на пленум ЦК. Войдя в зал, Бухарин (по словам Лариной) почувствовал головокружение и сел на пол в проходе. Ежов объявил, что расследование подтвердило существование террористической организации правых во главе с Бухариным и Рыковым. Последующее обсуждение представляло собой искупительный ритуал, участники которого готовили козлов отпущения к закланию, называя их «сволочью», «извергами», «отщепенцами», «зверьями», «гадюками», «подлыми трусами», «шкодливыми кошками» и «маленькими лягушками». Как сказал первый секретарь Башкирского обкома Яков Быкин (Беркович): «Надо, чтобы они получили ту же кару, которую получили их сообщники, их друзья на первом и втором процессе троцкистов и зиновьевцев, надо, чтобы

⁸⁷ Шелестов, *Время Алексея Рыкова*, с. 287.

⁸⁸ Ларина, *Незабываемое*, с. 333–334.

⁸⁹ Там же, с. 363–364.

правые были уничтожены так же, как троцкисты, а те, которые останутся в живых, надо их в клетке держать под замком и не посылать в ссылку (*Голос с места. Правильно.*)»⁹⁰

Бухарин и Рыков защищались двумя способами. Первый, аналогичный бухаринским письмам «товарищу Сталину», заключался в попытке опровергнуть конкретные обвинения с помощью логики и фактов. Все аргументы этого рода были отвергнуты как не имеющие отношения к делу. Пленум ЦК, говорили участники, – не трибунал, и «адвокатский подход» здесь неуместен. Но «что это означает, что здесь не трибунал? – спрашивал Бухарин. – Чем обусловливается это утверждение? Разве здесь нет суждения об отдельных фактах? Разве не разослан ряд свидетельских показаний? Фактических свидетельств? Разослан. Разве эти показания фактические не давят на умы товарищей, которые призваны судить и делать выводы? Давят. (*Голос с места. Это не трибунал, это ЦК партии.*) Я знаю, что это ЦК партии, а не Ревтрибунал. Если в наименовании разница заключалась бы, тогда это была бы просто тавтология. В чем же разница?» Разница, отвечали судьи, в том, что его вина – данность, а его задача – каяться⁹¹.

Второй линией обороны были призывы к человечности судей в стиле писем «дорогому Кобе». Как сказал Бухарин, оправдывая свое решение написать в Политбюро:

Если, конечно, я не человек, то тогда нечего понимать. Но я считаю, что я человек, и я считаю, что я имею право на то, чтобы мое психологическое состояние в чрезвычайно трудный, тяжелый для меня жизненный момент (*Голоса с мест. Ну еще бы!*), в чрезвычайно, исключительно трудное, время, я о нем и писал. И поэтому здесь не было никакого элемента ни запугивания, ни ультиматума. (*Сталин. А голодовка?*) А голодовка, я и сейчас ее не отменил [я четыре дня ничего не ел]; я вам сказал, написал, почему я в отчаянии за нее схватился, написал узкому кругу, потому что с такими обвинениями, какие на меня вешают, жить для меня невозможно.

Я не могу выстрелить из револьвера, потому что тогда скажут, что я-де самоубился, чтобы навредить партии; а если я умру, как от болезни, то что вы от этого теряете? (*Смех. Голоса с мест. Шантаж! Ворошилов. Подлость! Типун тебе на язык. Подло. Ты подумай, что ты говоришь.*) Но поймите, что мне тяжело жить. (*Сталин. А нам легко? Ворошилов. Вы только подумайте: «Не стреляюсь, а умру».*) Вам легко говорить насчет меня. Что же вы теряете? Ведь если я вредитель, сукин сын и т. д., чего меня жалеть? Я ведь ни на что не претендую, изображаю то, что я думаю, и то, что я переживаю. Если это связано с каким-нибудь хотя бы малюсеньким политическим ущербом, я, безусловно, все что вы скажете, приму к исполнению. (*Смех.*) Что вы смеетесь? Здесь смешного абсолютно ничего нет⁹².

По свидетельству Лариной, «он спустился с трибуны и снова сел на пол, на этот раз не потому, что упал от слабости, а скорее потому, что чувствовал себя отверженным». Вернувшись домой, он – «из уважения к пленуму» – поужинал⁹³.

Утреннее заседание началось с выступления Бухарина.

Бухарин. Я, товарищи, имею сообщить вам очень краткое заявление такого порядка. Приношу пленуму Центрального комитета свои извинения за необдуманный и политически вредный акт объявления мною голодовки.

Сталин. Мало, мало!

⁹⁰ «Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года», *Вопросы истории*, (1992, № 10), с. 4–5, см. также: <http://www.memo.ru/history/1937/>

⁹¹ Там же, *Вопросы истории* (1993, № 2), с. 7, <http://www.memo.ru/history/1937/>

⁹² Там же, *Вопросы истории* (1992, № 4–5), с. 23, <http://www.memo.ru/history/1937/>

⁹³ Ларина, *Незабываемое*, с. 349.

Бухарин. Я могу мотивировать. Я прошу пленум Центрального комитета принять эти мои извинения, потому что действительно получилось так, что я поставил пленум ЦК перед своего рода ультиматумом и этот ультиматум был закреплен мною в виде этого необычайного шага.

Каганович. Антисоветского шага.

Бухарин. Этим самым я совершил очень крупную политическую ошибку, которая только отчасти может быть смягчена тем, что я находился в исключительно болезненном состоянии. Я прошу Центральный комитет извинить меня и приношу очень глубокие извинения по поводу этого, действительно, совершенно недопустимого политического шага.

Сталин. Извинить и простить.

Бухарин. Да, да, и простить.

Сталин. Вот, вот!

Молотов. Вы не полагаете, что ваша так называемая голодовка некоторыми товарищами может рассматриваться как антисоветский акт?

Каминский. Вот именно, Бухарин, так и надо сказать.

Бухарин. Если некоторые товарищи могут это так рассматривать... (*Шум в зале. Голоса с мест.* А как же иначе? Только так и можно рассматривать.) Но, товарищи, в мои субъективные намерения это не входило...

Каганович. Объективное от субъективного не отделено каменной стеной, согласно марксизму⁹⁴.

Каганович был прав, и Бухарин знал это (и в прошлом не раз говорил то же самое). Греховная мысль – преступное деяние; преступное деяние – воплощение греховной мысли. Бухарин не подвергал сомнению партийные аксиомы: он пытался сохранить различие между человеком и политиком – различие, соответствовавшее оппозиции «дорогой Коба/товарищ Сталин».

Мне сказали, что я пользуюсь каким-то хитроумным маневром, что пишу в Политбюро, потом лично т. Сталину для того, чтобы воздействовать на его доброту. (*Сталин.* Я не жалуюсь.) Я говорю об этом потому, что этот вопрос затронули, и потом много упреков или полуупреков о том, что я пишу Сталину не совсем так, как в письмах в Политбюро. Но, товарищи, я не думаю, чтобы это был основательный упрек и что меня можно заподозрить здесь в особой хитрости. Совершенно естественно, что, когда человек пишет в официальный партийный орган, он пишет по-одному, а когда пишет т. Сталину как высшему авторитету в стране и в партии, он здесь высказывает целый ряд колебаний, ставит целый ряд вопросов, пишет о том, чего в официальном документе не напишет. Здесь есть некоторая разница, некоторый оттенок. И мне кажется, что такая вещь установилась еще при Ленине. Когда каждый из нас писал Ильичу, он ставил такие вопросы, с которыми не входил в Политбюро, он писал ему о своих сомнениях и колебаниях и т. д. И никто в этом рафинированной хитрости никогда не замечал⁹⁵.

Времена изменились. Основатель партии был синтезом двух начал, и сомнения и колебания Бухарина предназначались «Ильичу», а не «Ленину». Товарищ Сталин был неделем, и Бухарин признал это, не назвав адресата своих личных писем. Кобы больше не было, как не было «человеческого понимания», отдельного от партийной бдительности. Как сказал

⁹⁴ «Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года», *Вопросы истории* (1992, № 6–7), с. 2.

⁹⁵ Там же, *Вопросы истории* (1993, № 2), с. 3.

Каганович: «На первый взгляд это выглядит довольно просто, ну, люди защищаются, Бухарин и Рыков апеллируют к нашему человеческому пониманию – поймите вы по-человечески, в каком мы положении и прочее и прочее, но на самом деле, товарищи, это есть – и я здесь хочу на этом именно остановиться – это есть новый маневр врага... (*Голоса с мест. Правильно.*)»⁹⁶

Первый секретарь Свердловского обкома Иван Кабаков обратился непосредственно к Бухарину и Рыкову: «Вы творили гнусное контрреволюционное дело. Вам уже давно пора сидеть и отвечать за эти дела на скамье подсудимых. А вы приходите сюда с тихим голопочком, со слезою, плачете. Посмотрите, вчера вечером Бухарин подавал реплики, так ведь он же пищит, как задавленная мышь. (*Смех.*) Изменился и голос, и взгляд у него изменился, как будто бы вылез из пещеры. Посмотрите, члены ЦК, какой это несчастный человек. (*Постышев. Они в пещерах и сидели в свое время. Иноки!*)»⁹⁷

Пленум не был трибуналом. Он был ритуализованным представлением, и Бухарин играл не свою роль – плохо. Как сказал Молотов:

Но так как он все делает с ужимками, он говорит это только Политбюро. Мы должны были всему пленуму об этом доложить, прочесть, а он говорит только для членов Политбюро. (*Постышев. Выходит, что он щадит, сволочь.*) Щадит. Знает, что Томского карта бита, все поняли значение его самоубийства, над самоубийством Томского никто не сжалился. Видит, что это не подходит, давай новый способ. Он – христосик. Посмотрите на него, как он подергивает голову, а когда забывает, то не подергивает. Когда забывал, тогда не подергивал, все у него было в порядке, а как вспомнит, опять подергивается. (*Постышев. Мученик.*)

Два дня прошло, как голодовку объявил, а тут выступает и говорит: 4 дня голодаю. Хоть бы почитал свое письмо. Вот комедиант, актер Бухарин. Мелкий провинциальный актер. Кого он хочет растрогать? Ведь это же мелкий актерский прием. Это комедия голодовки. Да разве так голодают революционеры? Это же контрреволюционер Бухарин. (*Сталин. Подсчета нет, сколько дней он голодал?*) Говорят, он первый день голодал 40 дней и 40 ночей, второй день голодал 40 дней и 40 ночей, и так каждый день голодал 40 дней и 40 ночей. Это же комедия голодовки Бухарина. Мы все страшно перепугались, были в отчаянии. Кончилась голодовка. Он не голодающий, а просто актер, безусловно, небольшой, на смешных ролях, но актер налицо. (*Сталин. Почему он начал голодовку ночью, в 12 часов?*) Я думаю потому, что на ночь не едят: это медициной не рекомендуется.

Товарищи, вся эта голодовка – комический случай в нашей партии. Все после будут говорить: вот комический случай был в партии с голодовкой Бухарина. Вот роль Бухарина, до которой он дополз. Но это не искусство ради искусства, это все для борьбы с нашей партией. (*Голоса с мест. Правильно.*)⁹⁸

Все, кроме полного раскаяния, расценивалось как борьба с партией. Ягода, который подготовил процесс Каменева – Зиновьева и когда-то был другом Рыкова, предложил ультиматум и интерпретацию: «Вам, Бухарин, Рыков, осталось не более двух минут для того, чтобы понять, что вы разоблачены и что для вас единственным выходом является сейчас здесь, на пленуме, подробно рассказать о всей вашей преступной террористической работе против партии. Но вам это сделать невозможно потому, что вы и сейчас ведете борьбу, оставаясь врагами партии»⁹⁹.

⁹⁶ Там же, *Вопросы истории* (1992, № 10), с. 25.

⁹⁷ Там же, *Вопросы истории* (1992, № 8–9), с. 10.

⁹⁸ Там же, с. 24.

⁹⁹ Там же, *Вопросы истории* (1992, № 10), с. 7.

Им невозможно было это сделать, потому что они не считали себя виновными в преступной террористической работе против партии. Вернее, они считали себя виновными объективно, в смысле политической ответственности за преступную террористическую работу против партии, но не субъективно, в смысле участия в покушении на жизнь товарища Сталина. Первой причиной неудачи этой стратегии было всеобщее убеждение, что, «согласно марксизму, объективное от субъективного не отделено каменной стеной». Второй было то, что, согласно логике пленума, Бухарин и Рыков говорили неправду. Они боролись не за свою жизнь (это происходило в кабинетах НКВД), а за членство в партии. Членство в партии подразумевало безусловное подчинение решениям партийного руководства. Партийное руководство решило, что показания осужденных террористов соответствуют действительности.

Молотов. То, что показывали троцкисты, правдоподобно?..

Бухарин. Там, где они показывают против меня, это неправильно. (*Смех, шум в зале.*) Ну что вы смеетесь, здесь ничего смешного нет.

Молотов. А в отношении самих себя их показания правдоподобны?

Бухарин. Правдоподобны¹⁰⁰.

Если все показания правдивы по определению, могли ли Бухарин и Рыков быть единственными исключениями? «Чем я еще могу доказать? – спрашивал Рыков. – Ясно, что моей политической исповедью оперировать нельзя. Как еще, чем еще доказать?»¹⁰¹

Пленум не был трибуналом. Выбор, в формулировке Сталина, был очевиден: «Есть люди, которые дают правдивые показания, хотя они и страшные показания, но для того, чтобы очиститься вконец от грязи, которая к ним пристала. И есть такие люди, которые не дают правдивых показаний, потому что грязь, которая прилипла к ним, они полюбили и не хотят с ней расстаться»¹⁰².

Значило ли это, что Рыков должен был признаться в том, чего он не совершал? «Теперь мне совершенно ясно, – сказал он, – что ко мне будут лучше относиться, если я признаюсь, мне совершенно ясно, и для меня будет окончен целый ряд моих мучений, какой угодно ценой, хоть к какому-то концу»¹⁰³.

Нет, не значило. «Чего ясно? – выкрикнул Постышев из зала. – Какие мучения? Изображает из себя мученика». Настоящие мученики – это члены ЦК, которым приходится иметь дело с упрямством Бухарина и Рыкова. «Радек – подлец из подлецов, – сказал председатель Госплана Валерий Межлаук, – нашел у себя смелость, чтобы сказать, что не его мучили, а он мучил следователя, у вас, само собой разумеется, ее не оказалось. Я должен сказать, что вы мучите нас самым недопустимым подлым образом, а не вас мучают. (*Голоса с мест.* Правильно, правильно!) В течение многих и многих лет вы мучаете партию, и только ангельскому терпению т. Сталина вы обязаны тем, что за вашу гнусную террористическую работу мы вас политически не растерзали». Товарищ Сталин поступил мудро, предложив отложить решение по делу Бухарина и Рыкова до окончания расследования. После оглашения результатов им осталось сказать: «Я гадина и прошу советскую власть уничтожить меня, как гадину». (*Голос с места.* Правильно.)¹⁰⁴

¹⁰⁰ Там же, *Вопросы истории* (1993, № 2), с. 5–6.

¹⁰¹ Там же, с. 17.

¹⁰² Там же, с. 19.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, *Вопросы истории* (1992, № 10), с. 20–22.

* * *

Сколько еще гадин оставалось в Центральном комитете? Как писал Бухарин, «если бы Сталин усомнился в самом себе, подтверждение последовало бы мгновенно». В отношении Сталина он ошибался: Сталин был священным фундаментом, на котором все строилось. Ошибался он и в отношении «мгновенности»: прошел почти год, прежде чем выяснилось, что Быкин, Постышев и Межлаук (среди прочих) – тоже гадины. Но он был прав относительно связи между сомнением и подтверждением. Так как все, кроме товарища Сталина, хоть раз мысленно согрешили против партии, все, кроме товарища Сталина, были объективно виновны в преступной террористической работе против партии (и обречены в случае любого публичного обвинения). Один из главных обвинителей, Генрих Ягода, стал обвиняемым четыре дня спустя, под номером 5 на повестке дня пленума («уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по НКВД»). Другим участником пленума, который переместился из одной категории в другую, был Осинский. В конце вечернего заседания 25 февраля председательствующий Молотов представлял следующего оратора, когда его перебил первый секретарь ЦК компартии Украины Станислав Косиор.

Молотов. Слово имеет т. Жуков.

Косиор. А что, Осинский там не записался?

Голоса с мест. Осинский будет выступать?

Косиор. Тов. Молотов, народ интересуется, Осинский будет выступать?

Молотов. Он не записался пока еще.

Постышев. Давно молчит.

Косиор. Много лет уже молчит¹⁰⁵.

На следующее утро Осинский получил слово первым. Накануне ему исполнилось пятьдесят лет.

Осинский. По данному вопросу, товарищи, я, собственно, не собирался выступать по следующим двум причинам... (*Голоса с мест.* Ты же выступил.) Сейчас увидим почему... которые сейчас считаю необходимым для начала отметить. (*Голоса с мест.* Интересно.) Вообще я склонен выступать по таким вопросам, которые меня, так сказать, вдохновляют и увлекают... (*Голос с места.* А борьба с правыми тебя не увлекает? *Смех, шум.*) и по которым можно сказать что-нибудь, еще не сказанное, новое для слушающих и притом содержащее что-нибудь существенное и полезное, с моей по крайней мере точки зрения, для сообщения ЦК... (*Шум, смех.*) Позвольте, дорогие товарищи, что же, вы считаете меня правым, что ли? Что вы меня с самого начала прерывать начинаете. (*Шкирятов.* Нет, так просто можно спросить-то вас? *Косиор.* Редко вас слышим.) А если вы меня редко слышите, то позвольте мне сказать, что третья причина, почему я не собирался выступать, состоит в том, что когда я на прошлом пленуме записался тринадцатым по счету по вопросам сельского хозяйства, которыми я интересуюсь, то хотя выступило 30 ораторов, до меня слово не дошло. (*Голоса с мест.* Обижен, зажали. *Шум, смех.*)

Так вот, данный предмет меня не то что не вдохновляет и не увлекает, наоборот, вызывает чувство глубокого отвращения... (*Голос с места.* К кому?) Дело, которое рассматривается, оно, мягко говоря, чрезвычайно пакостное,

¹⁰⁵ Там же, с. 15.

и о нем просто трудно и неприятно говорить, так что субъективных стимулов к тому, чтобы выступать по этому вопросу, я ощущаю довольно мало. С другой стороны, после того, как я выслушал выступления тт. Микояна и Ворошилова, и после того, как у меня последний хлеб отбил т. Каганович, после того, как я выслушал эти выступления, мне показалось, вряд ли я сумею внести что-нибудь новое, и мне стало казаться, что дальнейшее обсуждение этого вопроса вряд ли представляется целесообразным. Но вот я вызван, так сказать, на трибуну по инициативе тт. Берия, Постышева и других, и раз я польщен таким вниманием Центрального комитета, то и решил выступить – может быть, с некоторой пользой¹⁰⁶.

Осинского вызвали на трибуну, потому что девятнадцать лет назад они с Бухариным возглавляли группу левых коммунистов. Он не раз извинялся за это, но на сей раз речь шла о сотрудничестве с Бухариным.

Мы с Бухариным вместе попали в вожди левого коммунизма потому, что еще до революции состояли в большой дружбе. Вместе в одни годы начинали работать в партии, многое в партии тогда вместе делали... (*Голос с места*. Только ли поэтому?) сидели вместе в тюрьме и, между прочим, стояли на очень близких политических позициях, так как я был до революции, согласно вошедшему теперь в употребление термину, «леваком» и Бухарин им тоже был. Затем, когда произошла революция, то после довольно долгого перерыва нашего общения – Бухарин был в эмиграции, а я скитался по российской провинции, по высылкам, – мы встретились, и эта дружба возобновилась, при этом я на нее сперва возлагал большие надежды. Она меня интересовала, я думал, что из нее что-нибудь выйдет. Вышло, собственно, только то, что в течение первых полутора лет это было общее участие в левом коммунизме – ничего хорошего, как я теперь весьма определенно и совершенно искренне могу сказать. (*Смех*.) Это было, как тогда снисходительно выразился о нас Ленин, – «детской болезнью левизны в коммунизме». Для меня это было детской болезнью № 1, потому что детской болезнью № 2 был демократический централизм.

Это было очень снисходительное определение, потому что за счет этих самых «детских болезней», конечно, мы нанесли немалый вред рабочему классу. Наши «детские болезни» немало кое-чего ему стоили. Кроме того, это служило подкреплением такому человеку, как Троцкий, и форсировало, давало ход мелкобуржуазным элементам в рабочем классе. (*Варейкис*. Вас Ленин назвал взбесившимися мелкими буржуа.) Это верно, так он, кажется, и вас назвал (*Смех*.), т. Варейкис. (*Варейкис*. Я тогда не принадлежал к ним. Во всяком случае, я был за Брест, всем известно, вся Украина об этом знает.) Ну, вы, значит, несколько позже взбесились, во времена демократического централизма. (*Смех*)¹⁰⁷

¹⁰⁶ Там же, *Вопросы истории* (1992, № 11–12), с. 2–3.

¹⁰⁷ Там же, с. 3.

Валериан Осинский *Предоставлено Еленой Симаковой*

Все когда-то болели детскими болезнями, которые нанесли немалый вред рабочему классу. Все были объективно виновны в преступной террористической работе против партии. Кто и в соответствии с какими критериями был достоин места в партии? Осинский на протяжении многих лет занимал ответственные посты, но душа его «лежала и лежит к научным занятиям, а не к таким делам. (Смех.)». Свое выступление на пленуме он посвятил теоретическим расхождениям с Бухариным. Как-то раз, в начале 1930-х, он шел по двору в Кремле и повстречал Бухарина, который спросил его, чем он в последнее время занимается. Он ответил, что философией, на что Бухарин сказал, что и он занимается философией и что ему не даются понятия «объективное противоречие» и «переход количества в качество». Осинский квалифицировал сомнения Бухарина как форму буржуазного позитивизма и, придя домой, изложил свои мысли в подробной записке. Но, поразмыслив, решил не посылать ее Бухарину.

Ибо подумал: а стоит ли вообще ее посылать, раз у человека такое упорное и глубокое непонимание основных вещей в диалектическом методе. Ведь никакой общности в наших суждениях нет, и бесполезно этим заниматься, тем паче, что никакой общности и в политических вопросах нет, а тут можно и так подумать: начали дело с разговора о теоретических вещах, а потом стали заниматься политическими совместными действиями¹⁰⁸.

Речь заканчивалась словами: «Для привлечения Бухарина и Рыкова к суду имеются все логические и юридические данные». Получалось, что непонимание марксистской диалектики неизбежно приводит к терроризму. Но что это означало? Что марксистская диалектика важнее левого коммунизма, а детские болезни Осинского и Бухарина – банальная корь по сравнению с раком буржуазного позитивизма? Или что всякий, когда-либо сбитый с толку марксистской диалектикой (включая всех присутствующих за исключением товарища Сталина), может быть привлечен к суду? Пленум на этот вопрос не ответил.

На утреннем заседании 26 февраля Бухарину и Рыкову предоставили слово. Оба заявили, что они люди, а не только бывшие оппозиционеры и что между объективным и субъективным есть зазор.

Рыков. Не знаю, конечно, можно издеваться. Я теперь конченный человек, это мне совершенно бесспорно, но зачем же так зря издеваться? (*Постышев.* Не издеваться, а факты надо установить.) Это дикая вещь. (*Постышев.* Издеваться над вами нечего, сами вы на себя пеняйте.) Я кончаю, я же понимаю, что это последнее мое выступление и на пленуме ЦК, и, возможно, вообще за всю мою жизнь. Но я опять повторяю, что признаться в том, чего я не делал, сделать из себя самого для облегчения своего или какого-либо подлеца, каким я изображаюсь здесь, этого я никогда не сделаю.

Сталин. А кто этого требует?

Рыков. Да, господа, твоя воля, это же вытекает. Я ни в каких блоках не состоял, ни в каком центре правых не был, никаким вредительством, шпионажем, диверсиями, террором, гадостями не занимался. И я это буду утверждать, пока живу¹⁰⁹.

Участники пленума не «так зря» издевались. Целью ритуала была подготовка жертв к заклятию. Смех был лучшим средством превращения бывших оппозиционеров в нелюдей.

Бухарин. Мои грехи были перед партией очень тяжелы. Мои грехи были особенно тяжелы в период решительного наступления социализма, тогда, когда фактически наша группа оказалась огромным тормозом и нанесла очень сильный вред в этом социалистическом наступлении. Эти грехи я признал: я признал, что от 1930 до 1932 г. у меня были хвосты большие, я их осознал. Но я с такой же силой, с какой признаю действительную свою вину, с такой же силой отрицаю ту вину, которую мне навязывают, и буду ее всегда отрицать, и не потому, что это имеет только личное значение, но и потому, что я считаю, что нельзя ни при каких условиях брать на себя что-то лишнее, в особенности тогда, когда это не нужно партии, не нужно стране, не нужно лично мне. (*Шум в зале, смех.*)...

Вся трагичность моего положения в том, что этот Пятаков и все прочие так отравили всю атмосферу, просто такая атмосфера стала, что не верят

¹⁰⁸ Там же, с. 5.

¹⁰⁹ Там же, *Вопросы истории* (1993, № 2), с. 25.

человеческим чувствам – ни эмоции, ни движению души, ни слезам. (Смех.) Целый ряд человеческих проявлений, которые представляли раньше доказательство, и в этом ничего не было зазорного, – потеряли теперь свою силу. (Каганович. Слишком много двурушничали!)¹¹⁰

Человеческие чувства всегда находились в центре большевизма. Для Свердлова настоящий день наступил, когда он поцеловал Киру Эгон-Бессер; для Маяковского – когда у него украли Джиоконду. Постышев и Воронский (а также Свердлов и Маяковский) вошли во «врата нового царства» благодаря «силе ненависти». Осинский и Бухарин считали «Викторию» Гамсуна олицетворением революционного самопожертвования и всепобеждающей любви. Рыков «достойно» вел себя на XVI съезде партии, потому что любил Бухарина «так, как не смогла бы любить даже влюбленная... женщина». Телефонный звонок 1 декабря 1934 года все изменил. Слова стали бессильными не только в изложении фактов, но и в выражении чувств.

В квартире Рыковых в Доме правительства стояла тишина. Когда жена Рыкова услышала о смерти Орджоникидзе (которого она считала их покровителем), у нее случился инсульт, и она лежала без движения, не в силах разговаривать. Их дочь Наталью уволили из Академии пограничных войск, и она редко выходила из дома. По ее воспоминаниям:

В последние дни пленума отец в комнате матери, куда он сразу заходил, так как она лежала больная, говорил (помню хорошо – снимает ботинки, лицо поднято, напряженное, кожа синеватая, висит складками, руки развязывают и расшнуровывают шнурки): «Они хотят посадить меня в каталажку». И в другой раз: «Посадят меня в каталажку, посадят меня в каталажку». Но это не говорилось присутствующим (матери, мне), как обычно говорят, а как-то отчужденно, в пространство. В эти дни как будто не жил на земле, с окружающими, а в каком-то своем мире, и оттуда до нас доходило иногда случайно несколько слов, мыслей¹¹¹.

С Томским и Бухариным он перестал встречаться после разгрома правой оппозиции. В своей речи на пленуме он сказал, что верит в вину Томского. Еще одного старого товарища, Бориса Иофана (который недавно перестроил ему дачу), он попросил больше не звонить и не приходить. Другой старый друг, Ягода, перестал приходить сам. В последний день пленума Рыков вернулся домой засветло¹¹².

На этот раз прошел прямо к себе в комнату и ни на какие мои вопросы не отвечал ничего. Помню, я спрашивала, кончилось заседание или он уехал до окончания, что было? Он ничего не отвечал. Ничего не понимая и видя, что он не в себе, следовательно, мог поступить не так, как надо, я позвонила Поскребышеву и сказала, что вот отец приехал домой, нужен он или нет, не вернуть ли его туда. Поскребышев мне ответил, что пока не надо, если надо будет – он позвонит. Позвонил он уже в сумерках и сказал: «вот теперь посылай». Я помогла отцу одеться и пошла его проводить к машине, хотя все еще не думала, что он не вернется. К матери он не зашел и ни одного звука при всем этом не проронил. Оделся и шел механически.

Мы провели несколько часов в напряженном ожидании возвращения. В одиннадцать раздался звонок, я открыла, но это был не отец, а человек

¹¹⁰ Там же, с. 16. Выдержки и обсуждение пленума см.: Getty, *The Road to Terror*, с. 364–419.

¹¹¹ Шелестов, *Время Алексея Рыкова*, с. 289.

¹¹² Интервью автора с Н. А. Перли-Рыковой, 12 февраля 1998 г.

десять сотрудников НКВД, рассеявшихся по квартире для обыска. Мы поняли, что отец арестован. Это было 27 февраля 1937 года¹¹³.

Бухарин, Анна, их девятимесячный сын Юра и отец и первая жена Бухарина ждали звонка в своей кремлевской квартире.

Вечером позвонил секретарь Сталина Поскребышев и сообщил Н. И., что ему надо явиться на пленум.

Стали прощаться.

Трудно описать состояние Ивана Гавриловича. Обессиленный страданиями за сына, старик больше лежал. В минуты прощания у него начались судороги: ноги то непроизвольно поднимались высоко вверх, то падали на кровать, руки дрожали, лицо посинело. Казалось, жизнь его вот-вот оборвется. Но стало легче, и Иван Гаврилович слабым голосом спросил сына:

– Что происходит, Николай, что происходит? Объясни!

Н. И. ничего не успел ответить, как вновь зазвонил телефон.

– Вы задерживаете пленум, вас ждут, – напомнил Поскребышев, выполняя поручение своего Хозяина.

Не могу сказать, что Н. И. особенно торопился. Он успел еще проститься с Надеждой Михайловной. Затем наступил и мой черед.

Непередаваем трагический момент страшного расставания, не описать ту боль, что и по сей день живет в моей душе. Н. И. упал передо мной на колени и со слезами на глазах просил прощения за мою загубленную жизнь; сына просил воспитать большевиком, «обязательно большевиком!», дважды повторил он свою просьбу, просил бороться за его оправдание и не забыть ни единой строки его письма. Передать текст письма в ЦК, когда ситуация изменится, «а она обязательно изменится, – сказал Н. И., – ты молода, и ты доживешь. Клянись, что ты это сделаешь!» И я поклялась.

Затем он поднялся с пола, обнял, поцеловал меня и произнес взволнованно:

– Смотри, не обозлишь, Анютка, в истории бывают досадные опечатки, но правда восторжествует!

От волнения меня охватил внутренний озноб, и я почувствовала, что губы мои дрожат. Мы понимали, что расстаемся навсегда.

Н. И. надел свою кожаную куртку, шапку-ушанку и направился к двери.

– Смотри, не налги на себя, Николай! – смогла я только это сказать ему на прощание.

Проводив Н. И. в «адово чистилище», я едва успела прилечь, как явились с обыском. Сомнений не было – Н. И. арестован¹¹⁴.

Отрядом из двенадцати-тринадцати человек руководил Борис Берман, который, по словам Лариной, «пришел точно на банкет: в шикарном черном костюме, белой рубашке, кольцо на руке с длинным ногтем на мизинце». Обыск, в том числе личный досмотр, продолжался долго. «Ближе к двенадцати ночи я услышала шум, доносившийся из кухни, и пошла посмотреть, что там происходит. Картина, представшая перед моими глазами, ошеломила меня. Оказывается, «сотрудники» проголодались и устроили пир. Расположились на полу, мест за кухон-

¹¹³ Шелестов, *Время Алексея Рыкова*, с. 290.

¹¹⁴ Ларина, *Незабываемое*, с. 352–353.

ным столом всем не хватило. На расстеленной вместо скатерти газетной бумаге я увидела огромный окорок, колбасу. На плите жарили яичницу. Раздавался веселый смех»¹¹⁵.

* * *

Два месяца спустя Анна, Юра, Иван Гаврилович, Надежда Михайловна и их домработница Паша (Прасковья Ивановна Иванова) переехали в Дом правительства. Квартплаты с них не брали, Паша работала бесплатно. Иван Гаврилович, который до революции преподавал математику в женской гимназии, часами сидел за столом, «заполняя один лист за другим алгебраическими формулами»¹¹⁶.

Наталья Рыкова, Нина Семеновна Маршак и Луша (Гликерия Флегонтовна Родюкова) продолжали жить в квартире 18 на десятом этаже 1-го подъезда. Со времени переезда из Кремля в конце осени они не успели распаковать книги и повесить занавески. После ареста Рыкова к Нине Семеновне вернулся дар речи, и она попросила Наталью читать ей вслух «Братьев Карамазовых». Через несколько дней она вышла на работу в Наркомздрав (нарком Григорий Каминский из квартиры 225 был одним из гонителей Рыкова на февральско-мартовском пленуме). В июле два сотрудника НКВД пришли с ордером на арест Нины Семеновны. Наталья достала чемоданчик, в котором носила в Парк Горького коньки и шерстяные носки, и положила туда смену белья, ночную сорочку, зубную щетку, мыло и летнее платье («белое в черную точку»). На пороге Нина Семеновна остановилась и сказала: «Ну, живи!» – твердо так. Хотела, наверное, сказать «честно». Вот так шло к этому. Осеклась и сказала: «Как сумеешь...» Попрощались, поцеловались. Она ушла. Так что ни одной слезы, конечно... Мы остались... вдвоем с Лушей. Поговорили... Я говорю: «Ну, что будем делать, Гликерия Флегонтовна?» Она говорит: «Ну что мы с тобой будем здесь делать?»¹¹⁷

Они подали заявление о переезде, и им дали комнату в квартире над «Ударником», в противоположном конце дома. После ареста хозяина там оставались его жена и двое маленьких детей. Наталья с Лушей взяли с собой постельное белье, кое-что из посуды и маленький сервант. Гипсовый бюст отца Наталья разбила, чтобы над ним не надругались новые жильцы. Ковер с портретом отца (подарок текстильщиков) был слишком большой и тяжелый, и она оставила его в старой квартире¹¹⁸.

¹¹⁵ Там же, с. 354–355.

¹¹⁶ Там же, с. 151.

¹¹⁷ Интервью автора с Н. А. Перли-Рыковой, 12 февраля 1998 г.

¹¹⁸ Там же.

Дима Осинский
Предоставлено Еленой Симаковой

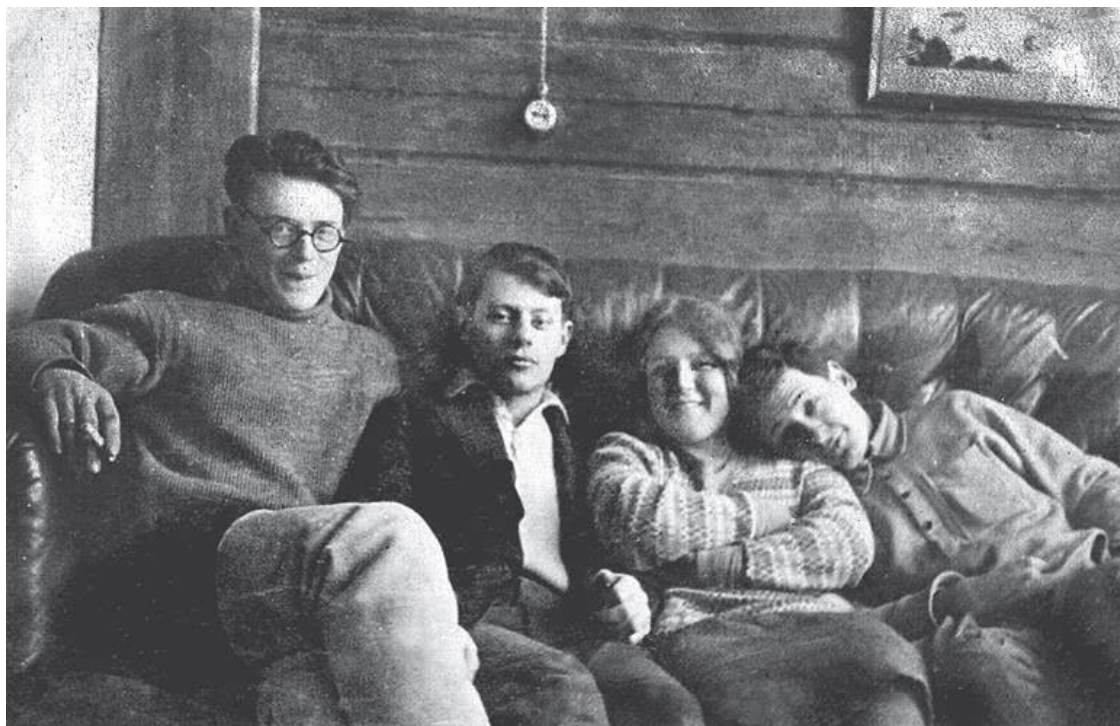
А в старую квартиру въехали Осинские. В июне 1937 года Осинского вывели из состава ЦК и переселили в Дом правительства. После арестов среди командного состава Красной армии в доме освободилось много квартир. Осинские сначала въехали в квартиру начальника Военной академии имени Фрунзе Августа Корка, а после переезда Натальи и Луши – в огромную квартиру Рыкова (она же Радека, она же Гронского). Кабинет Рыкова был еще опечатан. На кухонном столе стоял большой заварной чайник с надписью «Дорогому Алексею Ивановичу Рыкову от рабочих Лысьвы»¹¹⁹.

В отличие от Рыкова Осинский немедленно распаковал и расставил свои книги. Для всех места не хватило, и по его просьбе столяры Дома построили дополнительные стеллажи перпендикулярно одной из стен. Его жена, Екатерина Михайловна Смирнова, поселилась в маленькой смежной комнате. Бывшая няня детей, Анна Петровна, получила отдельную комнату. В дру-

¹¹⁹ Там же; интервью автора с С. В. Оболенской, 26 марта 1998 г.; Оболенская, *Из воспоминаний*, http://samlib.ru/ol/obolenskaja_s_w/01.shtml; Оболенская, *Дети большого террора*, с. 36–37.

гой спальне поселились дети – двенадцатилетняя Светлана и четырнадцатилетние Валя и Рем. Светлана спала на кровати Корка, которую они перевезли из предыдущей квартиры. Домработница Настя спала в детской. (После убийства Кирова отца Рема и брата Екатерины Михайловны, бывшего «демократического централиста» Владимира Смирнова, привезли из ссылки в Москву, приговорили к трем годам тюрьмы, повторно судили 26 мая 1937 года и расстреляли в тот же день, примерно тогда же, когда Осинские въехали в Дом правительства.) В шестой и последней комнате (считая опечатанный кабинет Рыкова) жили старший сын Осинского Вадим (Дима) и его беременная жена Дина. Дима был военным инженером. «Он очень любил маму и был особенно дружен с ней, – пишет Светлана. – А сама я почти ничего не помню о Диме. Разве только что он полушутя – полусерьезно называл меня буржуйкой, качал на ноге, и я чувствовала вкусный запах его военного сапога, да пугал рассказом о том, что вот я люблю в Большом театре бывать, а там однажды люстра упала прямо в зрительный зал и опять, наверное, упадет»¹²⁰.

Когда к Диме приходили друзья, Осинский любил петь с ними «Колодников» и «Замучен тяжелой неволей». Одним из ближайших друзей Димы был сын Якова Свердлова Андрей. Они вместе выросли в Кремле и вместе учились в Академии. В марте 1935 года, когда Диме было двадцать три, а Андрею двадцать четыре, оба были арестованы по «Кремлевскому делу» (после того как один из подследственных, Д. С. Азбель, показал, что после встречи Бухарина с молодежью в 1930 году Андрей в присутствии Димы и Азбеля сказал: «Кобу надо кокнуть»). Осинский написал Сталину, ручаясь за Диму; Бухарин позвонил Сталину, прося за Андрея (ради отца). Обоих быстро отпустили¹²¹.

¹²⁰ Оболенская, *Из воспоминаний*, http://samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/01.shtml; Оболенская, *Дети большого террора*, с. 26–27, 36–37; В. Волков, «Портреты лидеров революции и борьбы против сталинизма 20-х и 30-х годов. В. М. Смирнов и группа демократического централизма», World Socialist Website, <http://www.wsws.org/ru/2000/mai2000/smir-m25.shtml>; <http://lists.memo.ru/index18.htm>

¹²¹ Оболенская, *Из воспоминаний*, http://samlib.ru/o/obolenskaja_s_w/01.shtml; «Протокол допроса Д. С. Азбель», *Документы по «Кремлевскому делу»* (АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 233, л. 80–87), http://perpetrator2004.narod.ru/Kremlin_Affair.htm; Ларина, *Незабываемое*, с. 67–69, 234–236.

Дима Осинский (слева) и Андрей Свердлов (справа) с друзьями. *Предоставлено Еленой Симаковой*

Третьего февраля, за три недели до начала февральско-мартовского пленума, Осинский отправил последнее письмо Анне Михайловне Шатерниковой (А. М.). Их отношения портились одновременно с его положением в партийном руководстве (которое ухудшилось после ареста Димы в марте 1935-го). Причиной – в обоих случаях – была утрата чувства слитности, потребность в поиске виновных и растущее недоверие к словам и чувствам¹²².

Чудной ты человек, А. М., и прежде всего в том смысле, что ни одного разговора с тобою у меня не выходит. И чудно, что ты не понимаешь: в этом и есть главная причина, почему вообще у нас дело не выходило...

Все наши разговоры обычно сворачивали на то, что я тем-то и тем-то перед тобой виноват. Между тем самая эта постановка вопроса никуда не годится. Отношения между близкими людьми основываются и могут быть основаны только на приязни, на том, что они (отношения) доставляют им радость, удовлетворение, на том, что они (люди) вместе для себя делают что-то положительное. А именно это-то и не выходило.

Почему не выходило? Вероятно потому, что и у тебя, и у меня характеры сильно испорчены жизненными невзгодами. Про себя скажу, что я вообще стал человеком нелюдимым, в смысле личных взаимоотношений с людьми, живу один, корплю над высшей математикой и больше всего думаю о том, как бы поскорее ее кончить (конец теперь близок – остался месяц-полтора), а потом кончить Гегеля – и писать книги. И у тебя характер здорово попорчен – понятное дело, и взаимоотношениями со мной. Но ты не замечаешь, видимо, что не в этом только дело, что и многое другое сему (порче) содействовало. А в результате всю свою горечь изливала на меня и все мне предъявляла счета¹²³.

Отношения между близкими людьми – любовниками и товарищами по партии – не могли быть основаны на моральной бухгалтерии. Без чувства близости и приязни не могло быть «ненасытной утопии», которая и сегодня, через двадцать лет после первого письма Осинского Анне, обещала «нежную глубину» и «милосердие без прикрас». Но то, что двадцать лет назад казалось естественным и органичным, превратилось в вопрос долга и самооправдания.

Не обязанностью своей, а естественным делом могу я считать взаимную дружескую помощь: об этом, по-моему, и разговору как-то не может быть, это само собой понятно. Но каких-то обязанностей психологических в области чувств нет и не может быть, иначе получится из этого одна скука и тяжесть. Собственно, вся и разница между старым типом брака и новым состоит в том, что первый был сковывающей обязанностью, а второй есть свободный союз (конечно, при наличии материальных обязательств, вытекающих из появления детей). Ежели же он из второго сбивается в первое, то ясно, что ничего не выходит и дело плохо¹²⁴.

Единственным выходом было отойти в сторону. В личной жизни Осинский стал отшельником, в партийной отказался от большинства должностей. «Дальнейшее мое пребывание

¹²² Письмо Осинского Анне Шатерниковой от 31 января 1937 г., отправленное 2 февраля 1937 г., находится в семейном архиве Светланы Оболенской (Осинской); машинописная копия в распоряжении автора.

¹²³ Там же, с. 1.

¹²⁴ Там же, с. 2.

на работе, к которой я чувствую непреодолимое и глубокое отвращение, и притом постоянно возрастающее, – писал он Молотову 15 мая 1935 года, имея в виду свое директорство в Центральном управлении народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР, – грозит плохими последствиями не только лично мне, но и учреждениям, где я состою». Молотов сдался, и Осинского перевели на гораздо менее ответственную и, с его точки зрения, более интересную должность директора Института истории науки и техники. Но окончательно спрятаться он не мог и не хотел. «Светлая вера», о которой он писал Анне в 1917 году, оставалась незамутненной, а Гегель и высшая математика были нужны для вычисления внутренней диалектики ненасытной утопии. Он по-прежнему думал о социалистических стройках как о собственных детях и воспитывал своих детей как участников социалистической стройки. В ЦК он отстаивал свои взгляды на сельское хозяйство, автомобильную промышленность и другие вопросы, которые его «вдохновляли и увлекали». А на вопрос Анны, почему он до сих пор не порвал с ней, если ничего не выходит (и почему он так и не стал отшельником), у него было два ответа¹²⁵.

Во-первых, все же думал, что в конце концов это уладится, когда тебе станет лучше жить; во-вторых, потому, что ты ведь хороший человек, редко встречающийся на свете: поэтому с ним невольно хочешь продолжать отношения в любом виде.

Дело-то ведь простое. Вот я, напр., тоже неплохой человек, но беда только – с очень тяжелым характером. Не прирожденно-тяжелым, наоборот: когда-то был у меня веселый, общительный, живой характер. Однако к теперешнему времени, по обстоятельствам моей жизни, он стал тяжелым, неприятным – это я знаю сам. Так вот, имей в виду: у тебя-то характер несколько не лучше и тоже, вероятно, не от природы такой, но ныне таковым сделался фактически. Эту истину нужно бы тебе усвоить. А человек ты – искренно и правильно говорю – тем не менее очень неплохой, интересный.

И потому вообще естественно пытаться с хорошим человеком, хотя бы и обладающим дурным характером, поддерживать отношения. Поэтому и «канителил, путал», как тебе, вероятно, угодно будет выразиться. А раз уж ничего не выходит, как обнаруживается теперь, – значит, увы, ничего не поделаешь¹²⁶.

Ничего не выходило из-за дурных характеров, а характеры испортились из-за окружающей действительности. Действительность – по неизвестной причине – менялась к худшему, и разговаривать становилось все труднее.

Стоит это констатировать, и ты немедленно начнешь спрашивать: а кто виноват? И вот, как же ты не можешь понять простой вещи: самый этот вопрос и показывает, что дело никуда не годится, что оно не выходит. При такой постановке вопроса разговоры превращаются в тяжбу, которых я лично вообще не люблю вести. В процессе тяжбы мог бы и я начать доказывать, что ты виновата, но не хочу, не буду, не в том дело, не нужно это. Что же тогда: заниматься ли доказательством, что я не виноват? Не хочу и этого; это бы значило переводить дело в старое, скучное, «обязательственное» русло. Остается: разговор прекращать...¹²⁷

Письмо кончалось просьбой не возвращать деньги, которые он дал ей на учебу в институте – для занятий марксизмом.

¹²⁵ ГАРФ, ф. 5446, оп. 82, д. 36, л. 126.

¹²⁶ Осинский, письмо Анне Шатерниковой от 31 января 1937 г., с. 3.

¹²⁷ Там же, с. 2.

Сделайся вот профессором философии, тогда и возвращай; да и тогда, собственно, не нужно. Я ведь всегда считаю, что деньги, которые вышли из моих рук, вообще больше не мои, я живу только изо-дня-в-день; ни сбережений, ни резервов, ни накоплений не признаю; я ведь действительно коммунист.

Вот, собственно, и все. Желаю тебе всего лучшего, что возможно.

В.¹²⁸

25. Долина смерти

Охота на врагов началась с бывших вождей мировой революции и вскоре распространилась на анонимных членов социальных и этнических категорий. После февральско-мартовского пленума 1937 года народным комиссарам был дан месяц на подготовку планов по «ликвидации последствий разрушительной работы диверсантов, шпионов и вредителей». Народный комиссар внешней торговли и бывший командир Аросева Аркадий Розенгольц (кв. 237) попросил отсрочки, для того чтобы «лучше обдумать и проработать предложения о мероприятиях по разоблачению и предупреждению шпионской деятельности». Народный комиссар внутренней торговли и муж Наталии Сац Израиль Вейцер (кв. 159) нашел виновных в нехватке продовольствия и очередях за хлебом, сахаром и солью. Председатель Центросоюза и бывший зять Сольца Исаак Зеленский (кв. 54) обнаружил, что кооперативы «обвешивали покупателей и организовывали перебои в доставке товаров». Ошибок и несчастных случаев больше не существовало. Любое отклонение от нормы – в мыслях, в поступках, в природе – было результатом сознательной деятельности сил тьмы. По словам одного из борцов против ритуального насилия в США в 1980-е годы, «все ответственные посты должны рассматриваться как цели вражеского проникновения». По словам другого, сатанисты образуют разветвленные подпольные организации, аналогичные «коммунистическим ячейкам». По мнению баварских инквизиторов XVII века, бамбергские ведьмы были связаны друг с другом и представлены во всех органах власти. В апреле 1937 года, когда борьба с «последствиями разрушительной работы диверсантов, шпионов и вредителей» начала набирать силу, директор Музея Ленина и заместитель Керженцева в Комитете по делам искусств Наум Рабичев написал программную статью о живучести сил зла. «В одной грязной, кровавой куче смешались контрреволюционные подонки троцкистов, правых, эсеров, профессиональных шпионов, белогвардейцев и беглых кулаков. Вся эта оголтелая банда наемников капитала стремится проникнуть в самые важные, в самые ответственные части государственного организма Советской страны, чтобы шпионить, вредить, гадить». Рабичев (Зайденшнер) жил в квартире 417 с женой (секретарем парторганизации издательства «Известия»), матерью (которой он запретил учить сына немецкому языку из-за ее еврейского акцента), сыном Владимиром (который был «трудным», пока друзья не убедили его в пользе школьного образования) и домработницей. На левой руке у него было шесть пальцев¹²⁹.

Бамбергские ведьмы служили дьяволу. Советские вредители работали на иностранные разведки. «Их хозяева, – писал Рабичев, – дают им задание – притаиться до часа решительной схватки. Время от времени фашистские хозяева проверяют наличие своих наемников и их способность вредительства, давая задания пробных диверсий, убийств, вредительств, с тем чтобы, оставшись неразоблаченными, они продолжали таиться до часа решительных боев». Соответ-

¹²⁸ Там же, с. 6.

¹²⁹ Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 73–74; Victor, *Satanic Panic*, с. 104; Н. Рабичев, «Гнилая и опасная теория превращения классовых врагов в ручных», *Большевик* (1937, 1 апреля, № 7) с. 55; интервью автора с В. Н. Рабичевым, 14 апреля 1998 г.

ственно, НКВД интересовали иностранцы, особенно немцы, поляки и японцы, а также советские граждане, которые бывали за границей, имели там родственников и могли быть в обиде на советскую власть. К июньскому пленуму ЦК Ежов раскрыл гигантскую шпионскую сеть, проникшую в партийные организации и народные комиссариаты и управлявшуюся Центром центров во главе с Бухариным, Рыковым и другими оппозиционерами. Рыков начал называть имена. Новые аресты влекли за собой новые признания. Сталин читал протоколы допросов и предлагал новые направления поиска. Ежов следовал предложениям Сталина и находил новых подозреваемых и новые доказательства. Сталин рассылал протоколы членам ЦК, в том числе тем, чьи имена в них значились. 17 июня народный комиссар здравоохранения и бывший председатель Колхозцентра Григорий Каминский (кв. 225) написал Сталину письмо, в котором отверг выдвинутые против него обвинения и описал подозрительное поведение замнаркома здравоохранения РСФСР Валентина Кангелари (кв. 141). Кангелари был арестован 17 июня. 25 июня Сталин обвел фамилию Каминского (а также Халатова и Зеленского) в протоколе допроса замнаркома связи Ивана Жукова (который на февральско-мартовском пленуме призвал к немедленному расстрелу своего начальника, Рыкова). В тот же день Каминский выступил на пленуме с обвинениями против Берии и Буденного. Через несколько часов Каминского (а также Халатова и Зеленского) арестовали. К концу лета большинство участников февральско-мартовского пленума были арестованы¹³⁰.

Судьбу арестованных решал Сталин и члены его ближайшего окружения. В списках НКВД лица, подлежащие аресту, делились на три категории: первая (расстрел), вторая (10 лет) и третья (от 5 до 8 лет). Третья категория вышла из употребления после июля 1937 года; вторая применялась нечасто. Списки утверждались несколькими членами Политбюро (они могли вычеркнуть какие-то имена или переместить их из одной категории в другую), возвращались в НКВД, а оттуда переправлялись в Военную коллегию Верховного совета, которая инсценировала судебные процессы и оглашала приговоры. Эта процедура, сложившаяся после зинovieвского процесса осенью 1936 года, стала стандартной со дня открытия февральско-мартовского пленума, когда к смерти «по списку» приговорили 479 человек, в том числе заместителя Радека в Бюро международной информации ЦК и официального историка Коминтерна, Александра Тивеля-Левита. За период 1936–1938 года таким способом было осуждено 43 768 человек (по 383 спискам), почти все по первой категории. Молотов подписал 372 списка, Сталин 357, Каганович 188, Ворошилов 185, Жданов 176, Микоян 8 и Косиор 5. Косиора расстреляли в феврале 1939-го, когда списки перестали использоваться. Председатель Военной коллегии Верховного суда Василий Ульрих не жил в Доме правительства, но хорошо знал многих осужденных. Сестра его бывшей жены, Марта (Матла) Диманштейн, старая большевичка и старший редактор в радиокомитете, жила с двумя детьми и домработницей в квартире 279 (рядом с Подвойскими). Ее бывший муж, Семен Диманштейн, в разное время служил заведующим нацсектором ЦК, директором Института национальностей и председателем Общества земельного устройства трудящихся евреев в СССР (ОЗЕТ). Обе пары развелись в 1920-е, но оставались друзьями и часто встречались. Семен был арестован 21 февраля 1938 года, внесен в «список лиц, подлежащих суду Военной коллегии» (313 фамилий, все по первой категории), председателем Первого спецотдела НКВД Исааком Шапиро, осужден Сталиным и Молотовым 20 августа 1938 года, формально приговорен Ульрихом 25 августа и расстрелян в тот же день¹³¹.

¹³⁰ Н. Рабичев, «Гнилая и опасная теория», с. 56; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 77, 130–141; «Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года», *Вопросы истории*, (1992, № 10), с. 18.

¹³¹ База данных общества «Мемориал», «Сталинские списки», <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm>, <http://stalin.memo.ru/spiski/index.htm>, <http://stalin.memo.ru/images/gb537.htm>; Getty, Naumov, *The Road to Terror*, с. 1–5; «Расстрелянные в Москве», <http://mos.memo.ru/>; *Справочник по истории Коммунистической партии и Советского союза*, <http://www.knowbysight.info/DDD/02430.asp>; «Репрессии ученых. Биографические материалы», Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, <http://www.ihts.ru/projects/sohist/repres/kom/1938/dimanshtein.htm>

* * *

Сергей Миронов (Король) вступил в должность начальника УНКВД Западной Сибири в конце декабря 1936 года, через два месяца после назначения Фриновского заместителем Ежова. С ним в Новосибирск приехали Агнесса, ее сестра Елена, племянник Боря (сын Елены) и племянница Агуля (дочь ее брата), которую они с Мироновым удочерили и воспитывали как свою. По воспоминаниям Агнессы, их поселили в бывшей губернаторской резиденции. Первый визит они нанесли секретарю крайкома Роберту Эйхе.

И вот представьте себе. Зима. Сибирь. Мороз сорок градусов, кругом лес – ели, сосны, лиственницы. Глухомань, тайга, и вдруг среди этой стужи и снега в глубине поляны – забор, за ним сверкающий сверху донизу огнями дворец!

Мы поднимаемся по ступеням, нас встречает швейцар, кланяется почтительно, открывает перед нами дверь, и мы с мороза попадаем сразу в южную теплынь. К нам кидаются «подхалимы», то бишь, простите, «обслуга», помогают раздеться, а тепло, тепло, как летом. Огромный, залитый светом вестибюль. Прямо – лестница, покрытая мягким ковром, а справа и слева в горшках на каждой ступени – живые распускающиеся лилии. Такой роскоши я никогда еще не видела! Даже у нас в губернаторском особняке такого не было.

Входим в залу. Стены обтянуты красновато-коричневым шелком, а уж шторы, а стол... Словом, ни в сказке сказать, ни пером описать!

Встречает сам Эйхе – высокий, сухощавый, лицо строгое, про него говорили, что он человек честный и культурный, но вельможа.

Пожал руку Сереже, на меня только взглянул – я была со вкусом, хорошо одета, – взглянул мимоходом, поздоровался, но как-то небрежно. Я сразу это пренебрежение к себе почувствовала, вот до сих пор забыть не могу. В зале стол накрыт, как в царском дворце. Несколько женщин – все «синие чулки», одеты в темное, безо всякой косметики. Эйхе представил нам их, свою жену Елену Евсеевну в строгом, очень хорошо сшитом английском костюме (я уже знала, что она весьма образованная дама, кончила два факультета), а я – в светло-сиреновом платье с золотой искрой, шея, плечи открыты (я всегда считала, что женщина не должна прятать своего тела, а в пределах приличного открывать его – это же красиво!), на высоких каблуках, в меру подкрашена. Бог мой, какое сравнение! В их глазах, конечно, барынька, расфуфыренная пустышка... Я тотчас поняла, почему Эйхе глянул на меня с таким пренебрежением.

Впрочем, за столом он старался быть любезным, протянул мне меню первой, спросил, что я выберу, а я сама не знала, глаза разбегаются. Я и призналась – не знаю... А он говорит мне, как ребенку, упрощая снисходительно, даже ласково:

– А я знаю. Закажите телячьи ножки фрикассе...

За трапезой разговор о том о сем. Общие места: как вам понравилось в Сибири, какова наша зима? Но тут, мол, очень сухо, морозы переносятся легче – всякое такое, что всегда о Сибири говорят.

Потом мужчины ушли в соседнюю комнату играть в бильярд. Миронов – коренастый, плотный, широкий; Эйхе – высокий, сухой, тонкий¹³².

Роберт Эйхе

Через несколько дней Эйхе уехал в инспекционную поездку в Кузбасс. На собрании в Кузнецке новый директор металлургического комбината Константин Бутенко (чья жена недавно отличилась на всесоюзной конференции общественниц) рассказал о «непосредственной помощи товарища Эйхе и соответствующих органов» в разоблачении скрытых врагов. Товарищ Эйхе рассказал о помощи, которую он оказал городским властям Новосибирска.

¹³² Яковенко, *Агнецца*, <http://www.memo.ru/history/agnessa/>. Жену Эйхе звали Евгения Евсеевна Рубцова.

Когда мы запросили товарищей, которые этим делом должны заниматься, о причинах плохой работы водопровода, нам вначале прислали кучу бумажек с общими объяснениями. Я просил объяснить более обстоятельно. Объяснили раз, объяснили два. Непонятно. Объяснили третий раз. Тоже непонятно. Непонятно потому, что люди во всем видят только общие причины, а не желают как следует вникнуть в дело... Когда поглубже вникли в дело, то оказалось, что на водопроводе окопались заклятые враги¹³³.

В колдовской логике поиска козлов отпущения общее и частное меняются местами. Справки о проржавевших трубах и неисправных насосах становятся общими, а предположения о наличии скрытых врагов – частными. По прибытии в Новосибирск Миронов расширил начатую его предшественником (В. М. Курским) операцию против троцкистов и добился нескольких важных признаний. Один бывший красный партизан, которого Миронов и Эйхе допрашивали лично, сознался в том, что он подлец и террорист¹³⁴.

Этого было недостаточно. Начальник секретариата НКВД Яков Дейч регулярно писал Миронову о «блестящих делах», которые центр получает из других областей, и предупреждал о растущем нетерпении Ежова. По словам Агнессы, Миронов «приходил поздно, очень уставал, я стала замечать – нервничает. До того времени он умел скрывать свои переживания, когда они у него на работе случались, а тут что-то в нем стало подтачиваться»¹³⁵.

На февральско-мартовском пленуме Миронов, по его воспоминаниям, пожаловался Ежову на большое количество сфабрикованных дел, которые он унаследовал от своего предшественника. Ежов сказал, что «надо иметь нервы покрепче». Тогда же Фриновский сказал Миронову, что Ежов «справедливо недоволен» низкими темпами работы. Вернувшись в Новосибирск, Эйхе и Миронов выступили на партконференции. Эйхе назвал «позором» тот факт, что никто из директоров предприятий не сообщил в НКВД о конкретных случаях вредительства. (Константин Бутенко крикнул с места, что один раз сообщил). Миронов признал, что в годы коллективизации его наркомат нередко подменял частные репрессии общими: «У нас тогда был термин «стричь», и мы «стригли» контрреволюцию; глубокие же корни контрреволюции мы уже и в тот период не вскрыли»¹³⁶.

¹³³ С. Папков, *Сталинский террор в Сибири 1928–1941* (Новосибирск: Изд-во Новосибирского отделения РАН, 1997), с. 184–185.

¹³⁴ Там же, с. 189–191.

¹³⁵ Тепляков, *Опричники Сталина*, с. 228; Тепляков, *Машина террора*, с. 477.

¹³⁶ Тепляков, *Опричники Сталина*, с. 229–230; Тепляков, *Машина террора*, с. 478; Папков, *Сталинский террор в Сибири*, с. 203–205.

Сергей Миронов. *Предоставлено Р. Гликман*

Западная Сибирь была местом ссылки, а следовательно,местилищем бывших врагов. Бывшие враги были, по определению, сегодняшними террористами. За весну Миронов вскрыл несколько террористических организаций, в том числе «правотроцкистский заговор» в партаппарате, «военно-фашистский заговор» в Сибирском военном округе, «Русский общевоинский союз» (РОВС) среди «бывших» и подпольные организации «сектантов», красных партизан и ссыльных меньшевиков и эсеров. Некоторых заключенных Миронов допрашивал сам. Один из них, начальник строительства Турксиба Владимир Шатов, хорошо знал Миронова и Агнессу по совместной работе в Казахстане. По рассказу Агнессы: «Однажды привезли каких-то заключенных, и ему доложили, что один из них просит свидания с ним, Мироновым. Миронов приказал – привести. Шатов и вида не подал, что они знакомы. О чем они говорили, Сережа мне

не рассказал, но очень потом переживал, не спал, курил, думал, на мои расспросы не поддавался». Шатова обвинили в шпионаже в пользу Японии. Он отказался признать свою вину и в октябре был расстрелян¹³⁷.

Четырнадцатого мая, за день до начала массовых арестов среди военных, Миронов выступил перед сотрудниками Пятого (особого) отдела своего управления.

Наша задача – очистить армию от всех проходящих по нашим делам. Их будет не 50, возможно, 100–150, а может, и больше... Борьба будет напряженная. У вас будет минимум времени на обед. А когда арестованных будет 50–100 человек, вам придется сидеть день и ночь. В силу этого вам придется забросить все семейное, личное. Окажутся люди, у которых, может быть, нервы не позволят сделать это, здесь будут видны все... Здесь – поле боя. Колебания того или иного сотрудника равносильны измене...

Я уверен, что дело у нас быстро пойдет... У вас, товарищи, начинается настоящая чекистская жизнь¹³⁸.

К концу 1937 года число арестованных участников «контрреволюционных формирований в частях СибВО» превысило 1100. У некоторых сотрудников Особого отдела, включая его начальника, сдали нервы. Некоторые следователи были уволены за «моральное разложение» (в основном пьянство); другие арестованы как шпионы и двурушники. Тогда же были разоблачены руководящие работники НКВД, связанные с Ягодой. 6 июня бывший начальник Миронова и организатор его свадьбы, В. А. Балицкий, получил шифровку с заданием арестовать начальника отдела контрразведки ГУГБ НКВД Льва Миронова (Кагана), который возвращался с Дальнего Востока. Через несколько дней Лев Миронов прибыл в Новосибирск. С ним был Балицкий. По воспоминаниям Агнессы:

Он приехал к нам с целой свитой. Все какие-то любезные офицеры, ручки дамам целуют, умеют танцевать превосходно. Сережа устроил для них прием. Зима, а у нас свежие парниковые овощи, из специальных оранжерей Новосибирска. Они все накупились на эти овощи... ну и фрукты, конечно...

Миронова-гостя посадили на главное место, а он, как увидел нашу Агулю, ей тогда было четыре года, так уж и не смог от нее оторваться. Посадил ее на колени, гладит по голове, шепчет что-то, и она к нему приникла... Странно это мне как-то показалось – не к дамам поухаживать, не к мужчинам – выпить, поговорить, а к ребенку за лаской...

Я потом говорю Сереже:

– А Миронов-то был грустный...

Он встрепенулся, с вызовом:

– Что ты выдумываешь? С чего это ему быть грустным? С таким почетом принимали¹³⁹.

Через несколько дней Балицкий арестовал Льва Миронова и всю его делегацию, посадил в специальный поезд и отправил в Москву. После этого он имел долгий разговор с Эйхе и Сергеем Мироновым (который помогал с инсценировкой). Миронов написал Ежову, что во время этого разговора Балицкий удивлялся аресту начальника киевского военного округа (и одного из сторонников «процентного уничтожения» донских казаков в 1919 году) Ионы Якира и жаловался на повальные аресты. 19 июня Ежов послал Балицкому выдержки из письма Миронова

¹³⁷ Тепляков, *Опричники Сталина*, с. 226–230, 247–248; Тепляков, *Машина террора*, с. 356–363; Папков, *Сталинский террор в Сибири*, с. 187–207; Яковенко, *Агнецца*, <http://www.memo.ru/history/agnessal>

¹³⁸ Папков, *Сталинский террор в Сибири*, с. 196.

¹³⁹ Яковенко, *Агнецца*, <http://www.memo.ru/history/agnessal>

и велел немедленно сдать дела и прибыть в Москву. Балицкий написал Сталину («чувства жалости к врагу нет, сам умело и не раз применял самые острые формы репрессии»), но приказу подчинился и был арестован 7 июля и спустя четыре месяца расстрелян¹⁴⁰.

Тем временем Миронов, поощряемый Ежовым и Фриновским, всемерно расширял дело РОВСа. 9 июня он сообщил в Москву, что японские агенты в Монголии вооружают буддистских лам с целью организации восстания в Сибири. 17 июня, через три дня после ареста Льва Миронова, он направил Ежову записку о раскрытии крупного заговора с участием бывших эсеров, белых офицеров «и кадетско-монархических элементов из числа бывших людей и реакционной части профессуры и научных работников». По словам Миронова, террористические ячейки из разных городов Западной Сибири образовали подпольную армию под командованием пражских и харбинских белоэмигрантов и японских дипломатов. Личный состав вербовался из числа ссыльных кулаков. «Если учесть, что на территории Нарымского округа и Кузбасса расселено 280 400 чел. высланного кулачества и находится в административной ссылке 5350 чел. бывших белых офицеров, активных бандитов и карателей, станет ясным, на какой широкой базе была построена повстанческая работа». Своевременные аресты 382 человек привели к разоблачению 1317 членов организации, и не было сомнений, что общее число подлежащих аресту «значительно превысит уже выявленное нами количество участников». Тюрьмы были переполнены, транспортировка заключенных затруднена, а речная связь с Нарымом после сентября невозможна. Единственным решением, по мнению Миронова, было «ускорить присылку выездной сессии военного трибунала» или «предоставить нам право на месте в упрощенном порядке, через спецколлегию краевого суда или спецтройку, вынесение ВМН по эсеровско-ровсовским делам»¹⁴¹.

Двадцать второго июня Ежов переправил записку Миронова Сталину и предложил создать в Западно-Сибирском крае «тройки по внесудебному рассмотрению дел по ликвидированным антисоветским повстанческим организациям». Спустя шесть дней Политбюро приняло решение применить высшую меру наказания «в отношении всех активистов повстанческой организации среди высланных кулаков», а для ускоренного рассмотрения дел «создать тройку в составе начальника НКВД по Западной Сибири т. Миронова (председатель), прокурора по Западной Сибири т. Баркова и секретаря Запсибкрайкома т. Эйхе». На следующий день начальник секретариата НКВД Дейч сообщил Миронову о решении Политбюро¹⁴².

Второго июля Политбюро распространило инициативу Миронова на весь Советский Союз (и положило начало Большому террору), утвердив директиву «Об антисоветских элементах». 3 июля она была разослана всем секретарям областных и краевых парторганизаций.

Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы

¹⁴⁰ Там же; Тепляков, *Опричники Сталина*, с. 233–243; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 127; Петров, Скоркин, сост., *Кто руководил НКВД*, с. 99–100, 300–301.

¹⁴¹ Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 262–263; *Трагедия советской деревни*, т. 5, кн. 1 (М.: РОССПЭН, 2004), с. 256–257, 601–602; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 332–335.

¹⁴² Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 332; *Трагедия советской деревни*, т. 5, с. 258.

и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД¹⁴³.

В тот же день Ежов направил начальникам областных управлений НКВД директиву «разделить всех учтенных кулаков и уголовников» на две категории – подлежащих расстрелу (№ 1) и подлежащих высылке (№ 2) – и сообщить о результатах к 8 июля. В назначенный день Миронов доложил, что в 110 городах и 20 станциях на его территории учтено 25 960 человек, из них 6642 кулака и 4282 уголовника по первой категории и 8201 и 6835 по второй. «Несмотря на большое количество подлежащих изъятию, – писал он, – оперативно-политическое обеспечение операции в крае нами гарантируется». В рамках подготовки к операции было открыто десять новых тюрем на 9 тысяч человек. (Двумя неделями ранее начальник ГУЛАГа Матвей Берман приказал перевести часть заключенных из тюрем в лагеря; его родственник, начальник Управления НКВД Северной области Борис Бак, предложил очистить тюрьмы посредством «изъятия» врагов народа.) Два дня спустя Миронов попросил у Ежова разрешения распространить действие директивы «не только на кулаков, но и на всех бывших людей и белогвардейски-эсеровский актив»¹⁴⁴.

Шестнадцатого июля начальники управлений НКВД были вызваны в Москву. Согласно Миронову, «Ежов дал общую оперативно-политическую директиву, а Фриновский уже в развитие ее прорабатывал с каждым начальником управления оперативный лимит» (то есть задания по первой и второй категории). Миронов впоследствии утверждал, что рассказал Ежову об «очень неубедительных» показаниях о «причастности ряда лиц» и что Ежов ответил: «Посадите их, а потом разберетесь – на кого не будет показаний, потом отсеете... С вашего разрешения могут начальники отделов применять и физические методы воздействия»¹⁴⁵.

Вернувшись в Новосибирск, Миронов провел совещание начальников отделов НКВД Западно-Сибирского края.

Эта операция является государственной тайной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Когда я буду вас знакомить с планом по краю в целом, то всякие цифры, о которых вы услышите, по мере возможности должны в вашей голове умереть, а кому удастся, он должен эти цифры из головы выкинуть, кому же это не удастся, он должен совершить над собой насилие и все-таки их из головы выкинуть, потому что малейшее разглашение общей цифры – и виновные в этом пойдут под военный трибунал.

Допрашивать предполагалось не больше двух-трех свидетелей. В очных ставках необходимости не было. Все, что требовалось, – это «собственное признание арестованного» («можно ограничиться одним протоколом»). Конечная цель – «послать на тройку готовый проект постановления тройки». Выбор врагов и решение о расстреле или высылке предоставлялись на усмотрение следователей.

Лимит для первой операции 11 000 человек, то есть вы должны посадить 28 июля 11 000 человек. Ну, посадите 12 000, можно и 13 000 и даже 15 000, я даже вас не оговариваю этим количеством. Можно даже посадить по первой категории 20 000 человек, чтобы в дальнейшем отобрать то,

¹⁴³ М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер, *Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447* (М.: Новый Хронограф, 2008), с. 57.

¹⁴⁴ Юнге, Бордюгов, Биннер, *Вертикаль большого террора*, с. 58; М. Вылцан, В. Данилов, «Применение ВМН «нами гарантируется», *Наука и жизнь* (1997, № 9), с. 70; Тепляков, *Машина террора*, с. 273–274, 347–348; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 265.

¹⁴⁵ *Трагедия советской деревни*, т. 5, с. 602; Юнге, Бордюгов, Биннер, *Вертикаль большого террора*, с. 32–33; Хаустов, Самуэльсон, *Сталин, НКВД и репрессии*, с. 264; Тепляков, *Опричники Сталина*, с. 253–254.

что подходит к первой категории, и то, что из первой должно пойти будет во вторую категорию. На первую категорию лимит дан 10 800 человек. Повторяю, что можно посадить и 20 тыс., но с тем, чтобы из них отобрать то, что представляет наибольший интерес.

Миронов закончил «вопросами техники». Убийство и захоронение большого количества людей требовали серьезной подготовки. Некоторым «оперсекторам» предстояло «привести в исполнение приговора на 1000 человек, а по некоторым – до 2000 человек».

Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он приедет на место? Найти место, где будут приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн, и потом этим дерном покрыть это место, с тем чтобы всячески конспирировать место, где приведен приговор в исполнение, потому что эти места могут стать для контриков, для церковников местом религиозного фанатизма¹⁴⁶.

По словам одного из участников, «это сообщение вызвало шумное одобрение всех присутствовавших, ибо в этом была острая необходимость, т. к. наши органы ничего существенного до этого не сделали из-за вражеского руководства Ягоды и его приспешников». Любое недоумение или растерянность прозвучали бы в кулуарных разговорах, «как это обычно бывает, когда речь идет о чем-либо новом в работе, а таких разговоров не было»¹⁴⁷.

* * *

Тридцатого июля Ежов подписал оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». С учетом пожеланий областных начальников, в том числе Миронова, в список «контингентов, подлежащих репрессии», были включены бывшие белогвардейцы и члены политических партий, а также «церковники» и «сектантские активисты». Арестованные по первой категории подлежали «немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, – расстрелу»; по второй – заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет. Тройки формировались по западносибирскому образцу и состояли из начальника НКВД, партсекретаря и прокурора. Самые большие квоты были выделены для Московской области (5 тысяч по первой категории, 30 тысяч по второй) и Западно-Сибирского края (5 тысяч по первой, 12 тысяч по второй). Лагерьм НКВД предписывалось расстрелять 10 тысяч человек. Всего аресту подлежали 268 950 человек, из них 75 950 по первой категории. Общее руководство операцией поручалось бывшему семинаристу Михаилу Фриновскому. 8 августа он подписал меморандум в дополнение к приказу № 00447: «Приговора троек объявлять осужденным только второй категории. Первой категории не объявлять. Повторяю – не объявлять»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Юнге, Бордюгов, Биннер, *Вертикаль большого террора*, с. 94–96.

¹⁴⁷ Там же, с. 451.

¹⁴⁸ Там же, с. 98–114, 176, 597.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.